Сложные отношения

Автор:
Стефани Лоуренс

Сложные отношения

Стефани Лоуренс

Империя любви – HarleguinРегентство #1

Доротея Дэрент жила в сельской глубинке, считала себя совершенно непривлекательной и не надеялась на предложение руки и сердца от достойного джентльмена. Но однажды в лесу она встретила невероятно привлекательного незнакомца, оказавшегося богатым и влиятельным маркизом Хейзелмером, к тому же скандальным светским холостяком. Очарованный прелестью девушки, маркиз заключил ее в объятия и поцеловал. Этот поцелуй лишил ее покоя, но и лорд Хейзелмер не мог забыть прекрасную Доротею. И хотя маркиз стал настойчиво ухаживать за нею, мисс Дэрент не могла поверить в искренность его чувств…

Стефани Лоуренс

Сложные отношения

Jangled Reins

Copyright © 1992 by Stephanie Laurens

«Сложные отношения»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Глава 1

– М-м-м.

Доротея прикрыла глаза, наслаждаясь вкусом обласканных солнечными лучами ягод дикой ежевики. Несомненно, это самое восхитительное летнее лакомство, подумала она. Окинув взглядом растущий на поляне куст, разлапистые ветви которого были густо усыпаны спелыми ягодами, Доротея решила, что их вполне хватит на начинку для пирога и еще останется, чтобы сварить варенье. Поставив свою корзинку на землю, она стала методично заполнять ее самыми лучшими ягодами. Пока руки были заняты делом, мысли бродили далеко. Какой же ее сестра, в сущности, ребенок, и это в шестнадцать лет! Именно по ее просьбе Доротея отправилась в лес, растущий на территории соседского поместья. Сесилия, мечтающая полакомиться ежевикой за ужином, сверкая карими глазами и позвякивая золотыми браслетами, упросила-таки сестру отправиться в небольшую экспедицию по сбору лекарственных трав и ягод.

Доротея вздохнула. Удастся ли Лондону усмирить эту головокружительную порывистость ее младшей сестры? Что еще более важно, поможет ли Сесилии поездка в столицу справиться со скукой однообразных серых будней? Полгода минуло с тех пор, как их мать, Синтия, леди Дэрент, простудилась и умерла, оставив двух дочерей на попечении кузена Герберта, лорда Дэрента. Проведя пять долгих месяцев в Дэрент-Холле в графстве Нортгемптоншир, пока адвокаты занимались проверкой завещания, Доротея убедилась, что кузен не станет ни препятствовать их планам, ни помогать их осуществлению. Мягко говоря, Герберт был невыносимо скучным типом, а его жена Марджери – чопорная, прозаичная, совершенно неэлегантная женщина – более чем бесполезной. Если бы не приезд бабушки, появившейся подобно сказочной фее-крестной, одному Богу известно, что бы сестры делали.

Заметив, что в подоле ее платья запутался шмель, Доротея замерла на месте, чтобы получше его рассмотреть. Хорошо, что платье было совсем старым! Хотя тетушка Агнес и настаивала на необходимости носить траур, Доротея отстояла свое право ходить на прогулку в старомодном, кажется сшитом в прошлом веке, наряде зеленого цвета с квадратным вырезом. Корсаж платья выгодно подчеркивал тонкую талию, а широкий подол, лишенный объема из-за отсутствия нижних юбок, так и льнул к стройным ногам. Доротея присмотрелась к крошечным дырочкам, проделанным в материале колючим кустарником.

Выпрямившись, она заново ощутила на себе жар косых лучей солнца, пробивающихся через кроны деревьев и заливающих небольшую поляну. Повинуясь необъяснимому порыву, она поднесла руки к строгому пучку на затылке и стала вынимать шпильки, позволив своим темно-каштановым густым волосам каскадом заструиться до самой талии. Затем она продолжила сбор ежевики.

По крайней мере, она точно знала, что ожидает в Лондоне ее саму, но все же была уверена, что, сколько бы бабушка ни старалась, ей не удастся найти для нее мужа. В больших изумрудных глазах Доротеи засверкали искры. Глаза являлись ее главным – и единственным – достоинством. Все остальные черты представлялись ей ужасно несоответствующими моде. У нее были темные, а не белокурые волосы, и кожа лица имела бледный алебастровый оттенок, а не сливочно-персиковый, как у Сесилии. Хотя к собственному носу у Доротеи не имелось нареканий, она считала свой рот слишком большим, а губы – слишком пухлыми, ведь в свете сейчас все без ума от маленьких, похожих на розовый бутон, ротиков! Кроме того, она была довольно высокой и стройной, что шло вразрез с нынешней модой на пышнотелых красавиц. В довершение всего Доротее исполнилось уже двадцать два года, и она была чрезвычайно свободолюбивой особой. Едва ли девушке вроде нее по силам привлечь внимание великосветского джентльмена! Усмехнувшись, она положила в рот еще одну спелую ягоду.

Переход в разряд старых дев ее ни в коей степени не тревожил. Ее средств вполне хватит, чтобы до конца дней своих вести безбедное существование, поэтому, живя на Мызе, она спокойно относилась к ухаживаниям местных джентльменов, не обделяющих ее вниманием. Ни одному из них не удалось затронуть потаенных струн ее сердца и заставить захотеть сменить независимое существование на солидный статус замужней дамы. Сверстницы Доротеи плели интриги и замыслы, стремясь заиметь желанное кольцо на

пальце, но сама она не видела смысла следовать их примеру. Доротея отдавала себе отчет в том, что лишь любовь, это неизвестное притягательное чувство, которое ей еще только предстояло испытать в жизни, могла оказаться достаточно веской причиной, чтобы заставить ее выйти замуж. В действительности она с трудом могла представить себе джентльмена, которому удалось бы убедить ее изменить образ жизни. Слишком долгое время она была сама себе хозяйкой, вольной поступать так, как заблагорассудится, и ей этого было вполне достаточно. Вот ее младшая сестра – совсем другое дело.

Искрящаяся радостью, Сесилия мечтала об иной жизни. Она была совсем юной, но уже живо интересовалась людьми и считала, что замкнутый мирок Мызы слишком тесен для нее. Молодая и красивая, она, несомненно, встретит элегантного представительного юношу, который сумеет дать ей все, о чем она мечтает. Именно для этой цели они и намеревались ехать в Лондон.

Рассеянно глядя на особенно крупную ягоду, Доротея с улыбкой потянулась вверх, чтобы сорвать ее. Ее улыбка тут же погасла, сменившись удивлением, когда сильные руки схватили ее за талию. Не успела она осознать происходящее, как оказалась в чьих-то крепких объятиях. Перед ее глазами мелькнуло смуглое мужское лицо, а в следующее мгновение ее уже целовали безжалостные опытные губы.

На мгновение она совершенно растерялась, но в следующую секунду самообладание вернулось к ней. Она вовсе не была неопытной дурочкой и знала, что полное бездействие с ее стороны позволит ей освободиться быстрее, чем любые действия. Будучи прозаичной и практичной особой, она решила изображать полную холодность.

Но похоже, она серьезно недооценила угрозу. Ее тело отказывалось повиноваться четким командам, посылаемым мозгом. Содрогаясь от ужаса, Доротея почувствовала, как все ее существо затопляет тепло и желание прижаться к незнакомцу, слиться с ним в страстном объятии. Ни один сельский кавалер не осмеливался целовать ее подобным образом! С каждой секундой Доротее все отчаяннее хотелось сдаться на милость этих требовательных губ. Полностью лишившись присутствия духа, она забилась, пытаясь высвободиться. Незнакомец запустил свои длинные пальцы ей в волосы, чтобы удержать голову, и крепче обхватил за талию. Будучи с силой прижатой к телу мужчины, Доротея осознала собственную беспомощность. Из обрывков мыслей, со страшной скоростью проносящихся у нее в голове, она заключила, что ее поработитель не

цыган и не бродяга. И вообще человек не местный. Доротее показалось, что он наделен небрежной элегантностью. Она испытывала к нему необъяснимую тягу и опасалась, как бы охвативший ее водоворот эмоций не поглотил ее с головой. Внезапно незнакомец искусно оборвал поцелуй, точно захлопнул дверь.

У Доротеи кружилась голова, когда она, подняв голову, посмотрела мужчине в лицо. Его орехового цвета глаза, в которых плясали веселые чертики, пристально всматривались в ее изумрудные. Охваченная гневом, Доротея размахнулась, чтобы залепить ему звонкую пощечину, но не смогла. Не моргнув глазом, он перехватил в воздухе ее руку и мягко, но твердо заставил опустить.

Незнакомец улыбнулся, глядя в ее прекрасное раздраженное лицо.

– Нет-нет, я не думаю, что готов позволить ударить себя. Откуда мне знать, вдруг вы – дочь кузнеца?

У незнакомца был мягкий, веселый голос, явно принадлежащий образованному человеку. Вспомнив о том, как она, должно быть, выглядит в своем стареньком хлопковом платье и с распущенными по плечам волосами, Доротея прикусила губу, внезапно почувствовав себя очень юной. На щеках появился предательский румянец.

– Итак, – произнес вкрадчивый голос, – если не дочь кузнеца, то кто же тогда?

Насмешливый тон его голоса заставил ее вызывающе вздернуть подбородок.

– Меня зовут Доротея Дэрент. Отпустите меня, сделайте милость.

Рука, обнимающая ее за талию, даже не дрогнула, но между бровями мужчины обозначилась легкая складка.

– А-а-а, Дэрент. С Мызы?

Доротея едва заставила себя кивнуть. Из-за того, что она стояла так близко к этому мужчине, ей приходилось прикладывать неимоверные усилия, чтобы поддерживать с ним разговор. Ради всего святого, кто же он такой?

– А я Хейзелмер.

Простая констатация факта. На мгновение ей показалось, что она неправильно расслышала. Но это лицо, эти искривленные в надменной улыбке крепкие губы едва ли могли принадлежать кому-то другому, не так ли?

До нее доходили слухи. Они уже жили в Дэрент-Холле, когда их давняя приятельница, леди Мортон, чье поместье было окружено этим лесом, скончалась. Как говорили, внучатый племянник этой дамы, маркиз Хейзелмер, унаследовал Мортон-Парк. В маленьком спокойном графстве эта новость наделала много шума. То, что один из признанных светских аристократов стал хозяином главного поместья, не могло не привлечь к себе повышенного внимания. А то, что этот аристократ – маркиз Хейзелмер, лишь подлило масла в огонь.

Говоря о нем, жена приходского священника неодобрительно поджимала губы.

– Боже мой! Никакая сила не заставит меня познакомиться с подобным человеком! У него же такая скандальная репутация! И это всем известно.

Когда Доротея поинтересовалась, как он завоевал эту репутацию, миссис Мэттьюз, вспомнив, с кем разговаривает, поспешила извиниться и стала обносить гостей печеньем. В другой раз, у миссис Маннерим, Доротея услышала множество обвинений в адрес маркиза: пристрастие к азартным играм, разврат и разгульный образ жизни. Хотя Доротея не была вхожа в высшее общество, наличие здравого смысла всегда являлось одной из сильных сторон ее характера. Раз лорд Хейзелмер до сих пор вращается в свете, размышляла она, значит, слухи о нем, как и обычно, сильно преувеличены. Кроме того, ей было трудно представить, чтобы внучатый племянник глубокоуважаемой леди Мортон мог оказаться безнравственным человеком.

С трудом заставляя себя оторваться от его притягательных ореховых глаз и будто высеченных резцом скульптора губ, Доротея мысленно пыталась составить собственное мнение о маркизе Хейзелмере. Судя по всему, он был еще более опасен, чем о нем думают.

Все ее мысли отражались у нее на лице: первоначальное замешательство сменилось осознанием и, наконец, полным осмыслением. Ореховые глаза

сверкнули. Для человека, измученного общением с неиссякаемой вереницей светских красавиц, на жеманных лицах которых никогда не отражалось ни лучика искренних эмоций, было особенно приятно смотреть в такое прекрасное и выразительное лицо.

– Именно так.

Он сказал это, надеясь снова увидеть ее румянец, и она его не разочаровала.

Кипя от негодования, Доротея уставилась взглядом в его левое плечо. Ее определенно нельзя было назвать низкорослой, но, стоя рядом с Хейзелмером, девушка едва доходила ему макушкой до подбородка. В таком положении ей было очень удобно смотреть ему на грудь. Скудного опыта Доротеи было явно недостаточно, чтобы подготовить ее к подобной ситуации. Никогда в жизни она не чувствовала себя столь беспомощной!

Отвлекшись, она не заметила, как на губах мужчины, совсем недавно целовавших ее, появилась улыбка.

– И что же мисс Доротея делает в моем лесу?

Собственнический тон его голоса заставил ее снова поднять голову.

– Ах! Так вы в самом деле унаследовали поместье леди Мортон?

Кивнув, он неохотно отпустил ее и незаметно отступил в сторону, не сводя с нее взгляда своих ореховых глаз.

Испытывая облегчение от того, что избавилась от его тесного соседства, Доротея попыталась взять себя в руки. Стараясь вложить в свой голос как можно больше властности, она произнесла:

– Леди Мортон всегда разрешала нам собирать травы и ягоды в ее лесу. Однако так как теперь вы стали новым хозяином…

– Вы можете продолжать собирать их и дальше, – мягко перебил ее Хейзелмер, – когда пожелаете. – Он улыбнулся. – Ну а я постараюсь в следующий раз не

спутать вас с дочерью кузнеца.

Сверкая зелеными глазами, Доротея небрежно присела перед ним в реверансе.

– Благодарю вас, лорд Хейзелмер! Я обязательно предупрежу Хэтти.

Это замечание явно сбило его с толку, чего она и добивалась. Она отвернулась, чтобы забрать свою корзину. Девушка еще не до конца привела в порядок мысли после их поцелуя, поэтому сочла за лучшее поскорее ретироваться. Иногда отступление тоже может считаться проявлением отваги. Но насчет лорда Хейзелмера она крупно просчиталась.

– И кто же такая эта Хэтти?

Намеревавшаяся было постыдно сбежать, Доротея замерла на месте и, пытаясь собрать остатки самообладания, едко ответила:

– Дочь кузнеца, разумеется!

Она неотрывно смотрела ему в лицо, на котором появилось насмешливое выражение. Расхохотавшись, он протянул руку и схватил корзину за ручку, лишив Доротею возможности ускользнуть.

– Полагаю, мы квиты, мисс Дэрент, поэтому не нужно спасаться бегством. Ваша корзина заполнена лишь наполовину, а на кусте осталось еще много ягод. – Ореховые глаза изучающе рассматривали ее, а улыбка обезоруживала. Почувствовав, что Доротея колеблется, он продолжил: – Знаю, что вы не можете до них дотянуться, зато я могу. Если вы будете стоять здесь, подняв корзину повыше, мы скоро доверху заполним ее ежевикой.

Доротея поняла, что ей не хватает опыта общения, чтобы и дальше оставаться в компании этого джентльмена. Она была столь неискушенной, что совершенно растерялась, не зная, как поступить. Жена священника посоветовала бы ей немедленно уйти, а собственное любопытство подстрекало остаться. Но даже если бы девушка захотела уйти, едва ли этот властный человек позволил бы ей это сделать. Кроме того, он уже поставил ее у куста, заставив держать корзину, которую в этот самый момент заполнял отборными ягодами. Уйти в таких

обстоятельствах было бы просто невежливо. Размышляя таким образом, Доротея решила остаться на месте. Пользуясь случаем, она повнимательнее присмотрелась к своему новому знакомому.

Первоначальное впечатление о его сдержанной элегантности сложилось у нее благодаря безупречному покрою его охотничьего сюртука. Теперь же она не могла не отметить, что не одежда, но широкие плечи вкупе со стройным, мускулистым телом придавали ему вид мужественный и сильный. Его черные волосы были коротко острижены по последней моде и слегка завивались надо лбом. Орехового цвета глаза смотрели открыто и прямо. Аристократический нос, крепкие губы и подбородок указывали на то, что их обладатель привык властвовать. Ей уже довелось увидеть, как улыбаются эти глаза и губы, придавая своему владельцу гораздо менее неприступный вид. Доротея решила, что его улыбка производит совершенно разрушительное действие на юных леди, более впечатлительных, чем она сама. Кроме того, его окружала аура притягательности, о которой не стала бы говорить ни одна высокородная леди. Памятуя о репутации маркиза Хейзелмера, Доротея тем не менее не находила в его облике ни следа легкомысленности. А его поступки, напротив, ясно свидетельствовали о том самом огне, без которого, как известно, не бывает дыма.

Верно истолковав ход мыслей Доротеи, Хейзелмер тайком наблюдал за ней краешком глаза. Какой же она была жемчужиной! Классические черты лица в обрамлении роскошных темных волос сами по себе привлекали внимание. Но глаза! Подобные огромным изумрудам, чистым и искрящимся, они отражали ее мысли и манили к себе. Он уже отведал на вкус ее губы – нежные и податливые, восхитительно чувственные – и теперь испытывал к ним явное влечение. Эта девушка была очень привлекательной особой, но если он рассчитывал на продолжение их знакомства, впредь нужно будет вести себя более осторожно.

Забрав у Доротеи заполненную доверху корзину, он поднял свое лежащее в траве ружье и, заметив появившееся на лице девушки неуверенное выражение, пояснил:

– А теперь я провожу вас домой, мисс Дэрент. – Усмехаясь про себя, он заговорил прежде, чем она начала протестовать: – Нет-нет, не спорьте. В социальной среде, к которой я принадлежу, не принято, чтобы молодая девушка разгуливала в одиночестве.

От его слов, произнесенных ханжеским тоном, у Доротеи гневно заблестели глаза. С тактикой лорда Хейзелмера ей было ужасно трудно тягаться. Так и не придумав никакой отговорки или иного способа поколебать его решимость, она неохотно зашагала по тропинке рядом с ним.

– Кстати, – предпринял он попытку завязать разговор, причем так, чтобы заставить ее оправдываться, – удовлетворите мое любопытство. Почему вы бродите в лесу одна, без какой-либо хотя бы самой слабоумной компаньонки?

Доротея ожидала, что он задаст ей этот вопрос, именно потому, что у нее не было на него ответа. Да этот предосудительный тип просто дразнит ее! Стараясь вести себя спокойно и не выказывать раздражения, она ответила:

– В округе меня хорошо знают. К тому же я уже далеко не юная мисс, нуждающаяся в постоянном присутствии дуэньи. – Она сама не поверила такому нелепому объяснению.

Хейзелмер усмехнулся:

– Дорогое дитя, ну не настолько же вы стары! Вам явно необходим внимательный спутник.

С этим Доротея едва ли могла поспорить. Все еще испытывая досаду и забыв об осторожности, она сболтнула первое, что пришло ей в голову:

– В будущем, лорд Хейзелмер, если мне снова захочется прогуляться в вашем лесу, я непременно возьму с собой компаньонку!

– Очень мудрое решение, – произнес он низким голосом.

Незнакомая со значением различных оттенков его голоса, Доротея, ни секунды не задумываясь, резонно заметила:

– Хотя и не вижу в этом необходимости. Вы же сами сказали, что в следующий раз не спутаете меня с деревенской девушкой.

– А это означает, – провокационным голосом, от которого у Доротеи мурашки побежали по спине, продолжил Хейзелмер, – что в следующий раз я буду точно знать, чьи губки целую.

– Ах! – воскликнула она и, остановившись, гневно воззрилась на него.

Рассмеявшись, он провел по ее щеке своим длинным пальцем, чем лишь усилил ее гнев.

– Повторяю, мисс Дэрент, вам необходима компаньонка. Не рискуйте гулять в моем лесу в одиночестве. Неужели местные кавалеры не сказали вам, сколь вы прекрасны, несмотря на преклонные года?

Доротея никак не могла заставить себя оторваться от его ореховых глаз. От его смеха ей стало не по себе, но никакого подходящего ответа в голову не приходило. Испытывая одновременно досаду, злость и головокружение, она резко развернулась и зашагала по тропинке дальше. Подол платья при этом яростно хлестал ее по ногам.

Глядя на ее мрачное, как туча, лицо, Хейзелмер улыбнулся еще шире. Он покопался в памяти, вспоминая все, что перед смертью сообщила ему двоюродная бабушка, и выискивая какую-нибудь безопасную тему для разговора.

– Как я слышал, вы недавно потеряли маму, мисс Дэрент. Припоминаю, что моя бабушка упоминала, будто вы живете с родственниками на севере.

Сделав это многообещающее замечание, Хейзелмер сильно просчитался. Повернувшись к нему, Доротея, сверкая зелеными глазами, воскликнула, забыв о правилах хорошего тона, запрещающих леди отвечать на вопрос джентльмена встречным вопросом:

– Так вы виделись с ней до того, как она скончалась?

Прозвучавшее в ее голосе недоверие укололо его.

– Хотите верьте, хотите нет, мисс Дэрент, но я часто навещал свою двоюродную бабушку, к которой питал нежные чувства. Однако я никогда не задерживался дольше чем на день, поэтому неудивительно, что ни вам, ни остальным жителям графства ничего об этом не известно. Я провел три дня у ее постели, прежде чем она скончалась, а так как я являюсь ее наследником, она рассказала мне о живущих по соседству семьях.

Заслышав это объяснение, Доротея покраснела, однако не отвернулась в смущении, как поступила бы на ее месте другая девушка, но посмотрела Хейзелмеру прямо в глаза.

– Видите ли, мы с ней были добрыми друзьями, и меня очень печалит то, что я никогда ее больше не увижу.

Секунду Хейзелмер смотрел на нее ореховыми глазами, затем потупился.

– Бабушка скончалась во сне, не страдая. Принимая во внимание то, сколько боли выпало на ее долю в последнее время, смерть можно считать избавлением от мук.

Доротея кивнула, не глядя на него.

Пытаясь как-то оживить беседу, Хейзелмер поинтересовался:

– Вы с сестрой планируете жить на Мызе до скончания веков?

На этот раз его старания увенчались успехом. Лицо Доротеи прояснилось.

– Нет-нет! В начале будущего года мы отправимся к нашей бабушке, леди Мерион.

Гермиона, леди Мерион, прежде называвшаяся вдовствующей леди Дэрент, ворвалась в леденящий душу Дэрент-Холл подобно летнему ветерку, принесшему с собой теплое очарование Лондона. Тут же взяв все под свой контроль, она отправила Доротею и Сесилию – а с ними и тетушку Агнес, старую деву, номинально являющуюся их компаньонкой, – на Мызу, находящуюся в сельской глуши Хэмпшира, где они могли бы спокойно пожить до окончания

годового траура по матери. А через шесть месяцев, то есть в феврале, сестрам предстояло переехать к бабушке в Лондон, на Кэвендиш-сквер, препоручив свою дальнейшую судьбу в ее опытные руки. Подумав об этом, Доротея усмехнулась:

– Она намерена вывести нас в свет. – Заметив, что Хейзелмер удивленно вскинул брови, девушка поспешила пояснить: – Сесилию считают очень красивой. Мне кажется, она сумеет сделать хорошую партию.

– А вы?

Эта тема была для Доротеи болезненной. Ей показалось, что в ровном голосе собеседника прозвучали ироничные нотки, поэтому ответила более категорично, чем ей того бы хотелось:

– Едва ли я гожусь для брака. Я намерена отлично провести время в столице, осматривая достопримечательности и, смею признаться, наблюдая за окружающими меня людьми.

Подняв голову, она удивилась тому, сколь внимательно Хейзелмер смотрит на нее своими ореховыми глазами. В следующее мгновение он улыбнулся ей загадочной улыбкой. Она не поняла, сделал ли он это намеренно или просто в ответ на собственные мысли. Тут ей пришла в голову интересная мысль.

– Вы знакомы с леди Мерион?

Его улыбка стала еще шире.

– Как мне кажется, все сливки Лондона с ней знакомы. Ну а в моем случае она является близкой приятельницей моей матушки.

– Прошу вас, расскажите мне, какая она? – Видя, что озадачила собеседника своими словами, Доротея поспешила объяснить: – Понимаете ли, я не встречалась с ней с детства, за исключением одного-единственного раза, когда она приехала в Дэрент-Холл, чтобы сообщить, что скоро мы отправимся в Лондон.

Хейзелмер отдавал себе отчет в том, что это был самый странный в его жизни разговор во время прогулки с хорошенькой молодой девушкой. Он помог ей переступить через невысокое заграждение и повел по аллее, обдумывая, что рассказать о леди Мерион.

– Что ж, ваша бабушка всегда являлась законодательницей моды, а еще у нее имеются прочные связи со всеми старыми сплетницами, к которым в столице внимательно прислушиваются. Она очень дружна с леди Джерси и княгиней Эстерхази, которые являются покровительницами клуба «Олмак»[1 - «Олмак» – социальный клуб в Лондоне для аристократов, существовавший в период с 1765 по 1871 г., куда допускались как мужчины, так и женщины.]. Вам нужно непременно заполучить туда приглашение, если хотите вращаться в свете. Но вам легко удастся это сделать. Леди Мерион чрезвычайно богата, она живет в особняке на Кэвендиш-сквер, доставшемся ей после смерти второго мужа, Джорджа, лорда Мериона. Если мне не изменяет память, это случилось лет пять назад. А замуж за него она вышла через несколько лет после кончины вашего дедушки. Она – та еще фурия, да еще и ярая поборница морали в придачу, поэтому не советовал бы вам разгуливать по Лондону без сопровождения! С другой стороны, у нее отменное чувство юмора, и она очень добра и великодушна по отношению к своим друзьям. В некотором роде эту даму можно назвать эксцентричной, и она редко покидает столицу, разве что захочет навестить каких-нибудь приятельниц в сельской глубинке. В общем, едва ли найдется леди, которая лучше вашей бабушки сможет представить вас с сестрой высшему обществу.

Обдумав эту краткую биографию, Доротея уныло заметила:

– Она, похоже, очень популярная дама.

– Вы совершенно правы, – подтвердил Хейзелмер.

Они остановились на лужайке ярдах в ста от ворот в высокой каменной стене. Доротея потянулась к своей корзине.

– Дальше начинается парк Мызы.

– Тогда здесь мы с вами и распрощаемся, – поспешно ответил Хейзелмер.

Он вызвался проводить Доротею до дома лишь потому, что стремился подольше побыть в ее обществе, но вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь увидел их вместе. Ему было отлично известно, что это породит нежелательные слухи и досужие домыслы. Хейзелмер взял руку девушки, поднес к губам и поцеловал, наслаждаясь зрелищем ее сверкающих от гнева зеленых глаз и восхитительной краски смущения, вспыхнувшей на щечках от его улыбки.

– Не забывайте моего предупреждения! Если не хотите впасть у бабушки в немилость, не разгуливайте по Лондону без компаньонки. Молодые леди, которые так поступают, недолго остаются в одиночестве. Всего доброго, мисс Дэрент.

Доротея поспешила скрыться за воротами.

Она быстро шла по парку, впервые не замечая пьянящего аромата пышно цветущих вокруг цветов. На тропинке лежала длинная вечерняя тень, отбрасываемая старинной крышей Мызы. Доротея прошла в прихожую. Прохлада, царящая под тускло освещенными каменными сводами, приятно остужала разгоряченные щеки. В коридоре послышались торопливые шаги горничной. Открыв дверь, Доротея впустила ее.

– Отнесите, пожалуйста, ягоды кухарке, Дорис. А потом разложите таволгу[2 - Таволга – род многолетних трав семейства розовых. Обладает лечебными свойствами.] сушиться.

Взмахом руки Доротея указала на лежащую на скамье деревянную раму с растянутыми на ней муслиновыми полосками.

Тут в голову ей пришла еще одна мысль, и она добавила:

– А еще скажите, пожалуйста, тетушке, что я решила прилечь до ужина. Боюсь, длительное пребывание на солнце не пошло мне на пользу. – «Или, вернее, длительное пребывание с маркизом Хейзелмером», – раздраженно подумала она.

Ей удалось незамеченной миновать коридор и даже подняться по лестнице. Наконец, она осторожно закрыла за собой дверь своей спальни и забралась на подоконник.

Глядя на раскинувшийся внизу парк, Доротея пыталась привести мысли в порядок. Какая глупость! Из дома она вышла, будучи уверенной в себе и в окружающем мире двадцатидвухлетней девушкой, а вернулась, чувствуя себя так же, как, должно быть, чувствовала бы себя Сесилия, если бы сыну сквайра вдруг вздумалось строить ей глазки. И дело было вовсе не в том, что Доротею никто никогда прежде не целовал. Она гневалась на обладателя ореховых глаз. Очень внимательных ореховых глаз. Следующие десять минут Доротея провела, читая самой себе строгую лекцию о том, как неразумно завязывать отношения с распутником.

Подбодрив себя таким образом и призвав на помощь логическое мышление, она стала анализировать произошедшее. Несомненно, ей следовало бы, кипя от негодования, назвать маркиза сладострастным развратником, но, будучи честной с самой собой, она понимала, что частично винить в случившемся следовало ее неподобающий наряд. Более того, она подозревала, что молодой леди, внезапно оказавшейся в объятиях маркиза Хейзелмера, поступить нужно было совсем не так, как поступила она. В свою защиту она могла сказать, что, лишись она чувств прямо у него на руках, заставила бы его ждать, пока она очнется. Тогда ситуация была бы еще более печальной. Следуя этому ходу мыслей, Доротея убедила себя, что, после того как лорд Хейзелмер отпустил ее, между ними не произошло абсолютно ничего предосудительного. В действительности он даже снабдил ее ценными сведениями о ее собственной бабушке.

А вот события, имевшие место до этого, продолжали ее тревожить. Она провела пальцами по губам, слегка припухшим от поцелуев маркиза. Она до сих пор ощущала, как к ней прижимается его крепкое тело. Часы на лестнице пробили четверть четвертого. Доротея решительно загнала мысли о событиях нынешнего дня в самый дальний уголок сознания. Она была более чем уверена, что к завтрашнему утру Хейзелмер уже напрочь забудет о ее существовании.

Сняв свое старенькое платье, Доротея облачилась в тщательно отглаженный муслиновый наряд с мелким цветочным рисунком, предназначенный специально для теплого вечера. Мысленно она прикидывала, велики ли ее шансы встретить маркиза снова. Будучи отлично осведомленной о привычках местного общества, она заключила, что в деревне этого не случится ни при каких обстоятельствах. А из его собственного признания следовало, что он не привык задерживаться в Мортон-Парке надолго. Доротея пыталась убедить себя, что ее это обстоятельство очень радует. Также она решила, что в дальнейшем во время

своих вылазок на природу будет брать с собой сестру, чего бы ей это ни стоило.

Схватив расческу, девушка принялась яростно водить ею по своим длинным локонам, после чего собрала их в простой узел на затылке. Бросив быстрый взгляд в висящее над комодом зеркало, Доротея удовлетворенно кивнула. Поздравив себя с тем, что достойно справилась с последствиями проникновения в свою жизнь маркиза Хейзелмера, она отправилась ужинать.

Две недели спустя маркиз вернулся в Хейзелмер-Хаус, свой городской особняк на Кэвендиш-сквер, расположенный почти напротив Мерион-Хаус. Дома его ожидала большая пачка корреспонденции. Быстро просматривая поступившие на его имя письма и приглашения, он направился в библиотеку. Он извлек из пачки один конверт ярко-фиолетового цвета и, держа на расстоянии вытянутой руки, чтобы исходящий от него сильный запах духов не слишком раздражал обоняния, достал монокль. Узнав цветистый почерк своей последней любовницы, очаровательной особы с солидным состоянием, маркиз нахмурил черные брови. Вытащив из конверта записку, состоящую всего из нескольких строк, он быстро пробежал ее глазами. Теперь его черные брови удивленно взлетели вверх, а на выразительных губах появилась улыбка, совершенно незнакомая Доротее Дэрент. Бросив и записку, и конверт в огонь, Хейзелмер сел за свой письменный стол.

Лакей, явившийся десять минут спустя на звон колокольчика, застал своего хозяина запечатывающим письмо. Заслышав звук открываемой двери, Хейзелмер поднял голову и помахал конвертом в воздухе, чтобы воск скорее застыл, затем протянул послание лакею:

– Доставьте это лично, и как можно скорее.

– Да, милорд.

Наблюдая за удаляющейся спиной слуги, Хейзелмер пытался вообразить, как будет воспринято его вежливое и одновременно грубое письмо. Вот и подошла к концу еще одна affaire[3 - Любовная связь (фр.).]. Протянув длинные ноги к огню, Хейзелмер задумался о непрерывной веренице своих амбициозных любовниц. Его интрижки уже долгое время исправно снабжали высшее общество темами для сплетен, но эта однообразная игра начинала ему надоедать. Десять лет

вращаясь в свете, он вкусил почти все модные людские пороки, и собственное поведение стало казаться ему утомляюще-предсказуемым.

Мысленно он снова обратился к только что брошенной им Чериз, сравнивая ее зрелую красоту со свежестью зеленоглазой девушки, чье лицо преследовало его повсюду. Недовольство своим нынешним состоянием во многом происходило от той встречи в лесу Мортон-Парка. Хейзелмеру было некого винить в случившемся, кроме самого себя.

Марк Сен-Джон Рэлтон Генри, пятый маркиз Хейзелмер и один из самых состоятельных пэров королевства, принялся вспоминать разговор, во время которого впервые услышал имя мисс Дэрент. Разговор этот состоялся у него с двоюродной бабушкой ночью накануне ее смерти. Удивительно прямолинейная пожилая леди, она пронзила его взглядом стальных глаз и без обиняков поинтересовалась, когда он собирается связать себя узами брака.

– Я знаю, что твоя матушка не говорила с тобой на эту тему, поэтому решила воспользоваться случаем. Раз я все равно умираю, тебе не удастся послать меня к дьяволу.

Умеющий с легкостью разоблачать разного рода интриги, Хейзелмер признался, что никаких планов на этот счет у него нет, после чего почтительно выслушал последовавшую проповедь бабушки. Будь на ее месте кто-то другой, он ни за что не стал бы этого делать.

– Не могу сказать, что осуждаю тебя за нежелание брать в жены одну из этих жеманных барышень, из года в год появляющихся в свете. – Она насмешливо фыркнула. – Я и сама терпеть не могу этих дурочек. Но почему бы тебе не расширить сферу поиска? Имеются множество девушек, по той или иной причине не приезжающих в Лондон.

Заметив появившееся на лице племянника скептическое выражение, пожилая дама продолжила:

– Только не надо думать, будто живущей в деревне девушке ни за что не справиться со светским церемониалом. Возьмем, к примеру, Доротею Дэрент. Она молода, красива, состоятельна и, как и ты, родом из хорошей семьи. Единственная причина, по которой она не была представлена в обществе,

заключается в том, что последние шесть лет ей приходится управляться с поместьем овдовевшей матери. Дать бы Синтии Дэрент хороший нагоняй за то, что не вывела свою дочь в свет несколько лет назад! – Тут бабушка Этта замолчала, вероятно, чтобы как следует поразмышлять о грехах покойной леди Дэрент. – Что ж, теперь уже слишком поздно, потому что она мертва.

– Кто? Прекрасная Доротея? – озадаченно спросил Хейзелмер.

– Нет же, болван! Синтия! Она скончалась несколько месяцев назад, а девочки переехали в Дэрент-Холл. Какая жалость. Как бы мне хотелось снова увидеть Доротею. Она совсем не похожа на всех этих сентиментальных барышень!

– Как же так случилось, что этот образчик добродетели до сих пор не замужем? Куда смотрят деревенские джентльмены?

Бабушка Этта хмыкнула.

– Подозреваю, что ни одному джентльмену до сих пор не удалось представить ей ни единой достойной причины вступления в брак! Посмотри на мир ее глазами. У нее есть положение в обществе и деньги, и она очень ценит свою независимость. Зачем ей выходить замуж?

В глазах пожилой дамы засверкали веселые искорки, и Хейзелмер усмехнулся в ответ.

– Я мог бы выдвинуть несколько предположений.

– Уж ты-то точно бы мог! Но это все к делу не относится, потому что тебе едва ли посчастливится познакомиться с этой девушкой. Если, конечно, Гермиона Мерион не возьмет дело в свои руки. Я ей уже написала, поэтому она может проявить участие. Не стоит забывать и о Сесилии тоже. Это младшая сестра Доротеи и тоже очень красивая, хотя и по-иному. Но Сесилия способна и святого из себя вывести. А так как ты к разряду святых не принадлежишь, эта девушка точно тебе не подходит. Но довольно уже о сестрах Дэрент. Я рассказала тебе о них просто в качестве примера, – подытожила она и перевела разговор на другую тему.

Вскоре после встречи с Доротеей Дэрент Хейзелмер вспомнил слова бабушки Этты и в самом деле стал обдумывать возможность того, чтобы сделать эту весьма примечательную молодую леди своей женой.

На протяжении десяти лет он стойко отказывался воспринимать всерьез многочисленных легкомысленных юных особ, которых ему представляли в «Олмаке» и на приемах, устраиваемых светскими дамами. Своим поведением маркиз приводил в ужас прочих членов своей семьи, особенно двух старших сестер, Марию и Сьюзен, которые постоянно подсовывали ему своих подружек. Однако мать и бабушка Этта были на его стороне. Обе они понимали, что даже непродолжительный разговор с глупо улыбающимися пустоголовыми юными леди навевает на него ужасную скуку. Матери Хейзелмера очень хотелось бы, чтобы ее сын наконец женился, но, как она призналась одной своей знакомой, этого не случится до тех пор, пока не изменится мода на жеманных дебютанток. Что же до двоюродной бабушки Этты, то она вообще не заговаривала с внуком на эту тему до той последней ночи.

Принимая во внимание, что эта пожилая дама знала Хейзелмера столь же хорошо, как и родная мать, вполне вероятно было предположить, что она намеренно решила привлечь его внимание к мисс Дэрент. Бабушка никогда не стала бы говорить об этом прямо, понимая, что в таком случае внук вежливо, но холодно заявил бы, что эта девушка его совершенно не интересует. Она же упомянула о мисс Дэрент вскользь, заметив, однако, что, по ее мнению, та вполне ему подходит, и оставив последнее слово за ним. Как это похоже на бабушку Этту! «Что ж, бабуля, – мысленно обратился к ней Хейзелмер, улыбаясь про себя, – я познакомился с Доротеей, причем так, как вы не смели даже мечтать!»

Глава 2

Заслышав громкий стон, Доротея резко повернула голову и посмотрела на свою сестру, забившуюся в полумраке в противоположный угол экипажа. Хотя глаза Сесилии были закрыты, она не спала, о чем свидетельствовала залегшая между светлыми бровями складка. Ее голова беспокойно металась по спинке сиденья. Копыта лошадей поскользнулись на обледенелой дороге, и экипаж занесло в сторону. Доротея схватилась за свисающую с потолка лямку, чтобы не упасть.

Затем экипаж выровнялся и медленно покатился дальше. Доротея бросила еще один взгляд на сестру. Та сжалась в комок и сидела, отвернув голову.

Доротея снова стала наблюдать за проплывающим за окном унылым пейзажем, полускрытым голыми ветвями деревьев и заборами, тянущимися вдоль дороги. Приближался к концу еще один серый февральский день. Накрапывал мелкий дождь, стуча в стекла экипажа. Это был единственный звук, нарушающий царящую внутри тишину. Внезапно из темноты выросло похожее на замок здание постоялого двора «Три пера», стоящее на вершине холма в окружении высокого черного забора. От Мызы девушки ехали по Батской дороге и сейчас находились на полпути к Лондону, поэтому Доротея решила заночевать на постоялом дворе. Будь она одна, проделала бы весь путь за день. Но Сесилия была никудышным путешественником, которому требовался ночной отдых, чтобы прибыть на Кэвендиш-сквер в более или менее сносном состоянии.

Кроме сестер в экипаже находилась всего одна пассажирка, их горничная Бетси, женщина средних лет, которая ухаживала за ними с самого рождения. Закутавшись в шерстяную шаль, она дремала на сиденье напротив Доротеи. После долгих размышлений было решено не брать с собой тетушку Агнес. В пригласительном письме леди Мерион о ней не говорилось ничего определенного, и это подразумевало, что пожилая дама должна также явиться на Кэвендиш-сквер, чтобы продолжать присматривать за своими подопечными. Однако о ревматизме Агнес ходили легенды, и Доротее вовсе не хотелось обременять себя присутствием горячо любимой, но чрезвычайно ворчливой тетушки сначала в экипаже, а затем и в Лондоне, куда они, как предполагалось, ехали развлекаться. Кроме всего прочего, тетушка Агнес была невысокого мнения о мужчинах, поэтому Доротея опасалась, что она может воспрепятствовать поискам мужа для Сесилии. Как бы то ни было, в вежливой ответной записке к леди Мерион, сообщая об ожидаемой дате приезда, она ни словом не обмолвилась о тетушке Агнес.

Экипаж медленно катился вперед в тумане, успешно разгоняемом дождем к вящей радости кучера Лэнга. Поездка в Лондон по недавно расчищенной дороге всегда была предприятием опасным. Кутаясь в ворсистое пальто, он с большим облегчением направил экипаж в арочные ворота постоялого двора. Это была одна из крупнейших почтовых станций в округе, обслуживающая преимущественно путников, желающих переменить лошадей или остановиться на ночлег. Громыхая, большой дорожный экипаж проехал в еще одни арочные ворота и оказался на каретном дворе. Конюхи бросились распрягать лошадей, а

хозяин постоялого двора помог сестрам выбраться наружу.

Тут возникла проблема. Девушки грелись у весело ревущего огня в уютном общем зале с низким потолком, когда к ним с извинениями подошел хозяин, мистер Симмс.

– В деревне проходят кулачные бои, мисс, – обратился он к Доротее, – поэтому у нас все занято. Комнату я для вас приготовил, а вот на отдельную гостиную, боюсь, рассчитывать не приходится. – Хозяин постоялого двора, румяный мужчина средних лет, у которого были свои дочери, с беспокойством посмотрел на сестер Дэрент.

Доротея глубоко вздохнула. Целый день перемещаясь со скоростью улитки, она старалась не задумываться о том, что ждет их впереди, надеясь, однако, что они с Сесилией смогут устроиться на ночлег. Машинально она похвалила опрятный, без единого пятнышка общий зал. По крайней мере, в этом доме им не придется спать на грязных простынях и есть плохо приготовленную пищу. Доротея решила, что не стоит расстраиваться из-за отсутствия отдельной гостиной. Выпрямившись в полный рост, она кивнула встревоженному Симмсу:

– Что ж, хорошо. Раз ничего нельзя поделать, я понимаю. Проводите нас, пожалуйста, в нашу спальню.

Из письма, которое Доротея заранее отправила мистеру Симмсу, чтобы забронировать спальни и гостиную, хозяин сделал верные выводы о социальном положении сестер Дэрент. Он редко позволял себе критиковать своих постояльцев, но на этот раз счел вопиющим упущением, что две молодые красивые леди путешествуют в сопровождении всего лишь одной служанки и кучера. Мистер Симмс проводил их в приготовленную для них спальню. Опасаясь, как бы ночью чего не случилось, он отвел сестрам большую комнату в северном крыле постоялого двора. Это была самая старая часть беспорядочно выстроенного здания, изолированная от остальной части дома. Попасть сюда можно было только по отдельной лестнице, находящейся недалеко от комнат, в которых жил сам хозяин.

Тяжело отдуваясь, мистер Симмс поднялся по ступеням и распахнул прочную дверь.

– Я приготовил для вас вот эту комнату, мисс, потому что она, как бы это сказать, находится далеко от всех прочих. Постоялый двор скоро будет полон под завязку молодыми джентльменами, приехавшими посмотреть бои. Моя жена просила передать вам, чтобы сидели в комнате, заперев дверь, и носу наружу не казали. Она сама и моя дочка принесут вам ужин и что еще будет нужно. Даст бог, минуют нас всяческие напасти. Сию секунду доставлю ваш багаж, мисс. – С этими словами Симмс поклонился и ушел, оставив хмурую Доротею и бледную Сесилию в тревоге смотреть друг на друга.

– Бог ты мой! – воскликнула Бетси, опускаясь в одно из стоящих у камина кресел. Глядя на Доротею круглыми от испуга глазами, она добавила: – Может, лучше поедем дальше, мисс? Вашей бабушке не понравилось бы, узнай она, что вы ночевали на постоялом дворе, где полно буйных, шумных шалопаев, мисс!

– Боюсь, в округе нет другого постоялого двора, Бетси. Хозяин верно заметил: если мы запрем дверь и будем сидеть здесь, никакого вреда с нами не случится, разве нет? – ответила Доротея спокойным тоном. Сняв перчатки и дорожный плащ, она небрежно бросила их на спинку стула. Ее минутное беспокойство, вызванное, несомненно, усталостью, уже прошло, и она снова стала самой собой.

– Тебе, может, и все равно, Тея, а я бы предпочла остаться здесь и не ехать дальше, – произнесла Сесилия тоненьким слабым голосом.

Доротея тут же догадалась, как плохо сейчас ее сестре. Быстро подойдя к кровати, она откинула покрывало. Простыни оказались чистыми и сухими. Приглашающим жестом она похлопала по подушке.

– Так и сделаем, милая. Почему бы тебе не прилечь, пока нам не принесли ужин? Продолжив путь прямо сейчас, мы лишь усложним себе жизнь. Лучше уж останемся здесь.

Тут послышался несмелый стук в дверь.

– Кто там? – спросила Бетси, поднимаясь на ноги.

– Это я, мэм, Ханна, дочка хозяина.

Открыв дверь, Бетси увидела стоящую на пороге крепкую девушку в домашнем чепце, обрамляющем миловидное лицо.

– Матушка скоро подаст вам ужин. Она послала меня узнать, не нужно ли вам еще чего, мэм?

Ханна внесла в комнату сумки сестер и остановилась, вопросительно глядя на Доротею.

– О да! Принесите нам немного теплой воды, а еще раскладную кровать для нашей горничной. Я хочу, чтобы она ночевала с нами.

Девушка кивнула:

– Вы и глазом моргнуть не успеете, как я все сделаю.

Пять минут спустя Ханна вернулась с кувшином воды, такой горячей, что от нее шел пар, и раскладной кроватью. Пока они с Бетси пытались установить это хитроумное приспособление, Доротея и Сесилия умылись. Избавившись от дорожной пыли, они почувствовали себя значительно лучше. Справившись наконец с непокорной кроватью, Ханна вытерла руки о фартук и обратилась к Доротее:

– Через полчаса принесу вам ужин, мисс. Не забудьте запереть за мной дверь.

Бормоча слова благодарности, Доротея задвинула засов. Сесилия сонно опустилась на кровать, а Бетси устроилась с шитьем у огня, чтобы скоротать время.

Теперь, когда ее потребности были удовлетворены, Доротея принялась беспокойно расхаживать по комнате, испытывая приступ удушья. После целого дня, проведенного в экипаже, ей отчаянно хотелось глотнуть свежего воздуха, прежде чем лечь спать в тесной спальне, где совершенно нечем дышать. Тут она вспомнила о Лэнге. Так как с ними была Сесилия, они должны были тронуться в путь ближе к обеду. Однако даже ее скудных познаний в деревенских кулачных боях и тем, что за этим следует, хватило, чтобы рассудить, что выезжать лучше с раннего утра. Она посмотрела в окно, но оно выходило на задний двор. Не

услышав никакого шума и гама, Доротея решила, что любители поглазеть на состязания еще не прибыли.

Она быстро подошла к Бетси:

– Я спущусь вниз повидаться с Лэнгом. Завтра нужно уехать пораньше, чтобы ни с кем не столкнуться. – Понизив голос, девушка добавила: – А ты оставайся здесь, присмотри за Сесилией. Я скоро вернусь.

Не давая Бетси возможности запротестовать, Доротея накинула свой старенький дорожный плащ и выскользнула за дверь. На лестнице она на секунду задержалась, чтобы застегнуть пуговицы. Услышав приглушенный взрыв грубого смеха, девушка подумала, что он доносится из пивной. Бесшумно спустившись по лестнице, она зашагала по коридору в противоположном направлении. Ей удалось отыскать дверь, выходящую на каретный двор. Повсюду сновали конюхи, ведя лошадей под уздцы. Остановившись в тени, Доротея осмотрелась по сторонам, пытаясь отыскать глазами Лэнга, но его нигде не было. Вспомнив, что господские конюхи часто помогают конюхам с постоялых дворов, когда у тех выдается особенно много работы, она миновала арочные ворота и оказалась на главном дворе.

– Ого! Кто это у нас здесь? Красотка, иди сюда, отпразднуй с нами!

Доротея ахнула, почувствовав, как чьи-то руки хватают ее за талию. Казалось, ее сердце перестало биться, когда вместо ореховых глаз на нее лениво уставились голубые несфокусированные глаза. Их владелец много выпил, но все же еще не был мертвецки пьян.

Он поволок отчаянно отбивающуюся Доротею за угол, где поджидала развеселая компания из семи полутрезвых мужчин. Довольные исходом состязаний, они намеревались кутить всю ночь, празднуя успех. Доротея слишком поздно поняла, какую ужасную ошибку совершила. Главный двор был до отказа заполнен людьми. Один из мужчин протянул руку и сдернул с ее головы капюшон, открыв лицо, которое было отлично видно в свете, льющемся из главного входа в здание. Доротея изо всех сил пыталась высвободиться, но удерживающий ее молодой человек лишь крепче вцепился ей в руку. Доротея поморщилась.

Тут раздался протяжный голос, перекрывший царящий вокруг гул:

– Отпусти леди, Тремлоу. Это моя знакомая, и я не позволю тебе и дальше причинять ей беспокойство.

Доротея тут же узнала этот голос и отчаянно пожелала, чтобы земля разверзлась и поглотила ее.

Однако слова неожиданно выступившего из мрака маркиза Хейзелмера возымели немедленный эффект – Доротею оставили в покое.

– Ох, извини, Хейзелмер. Откуда мне было знать, что она леди?

Последнее замечание, произнесенное sotto voce[4 - Про себя, приглушенно (ит.).], заставило Доротею покраснеть. Она поспешно накинула капюшон, не дав мужчинам возможности рассмотреть получше, кого именно защищает Хейзелмер.

Маркиз неспешно зашагал к ней. Подойдя совсем близко, он заслонил ее от любопытных взглядов и, повернувшись к мужчинам, тем же нарочито медленным голосом добавил:

– Как мне кажется, вам всем очень хочется извиниться перед дамой, которой вы непреднамеренно нанесли оскорбление.

За этим смелым замечанием тут же последовал нестройный хор голосов:

– Да, конечно!

– Определенно!

– Извините, мэм!

– Мы же не со зла!

Симмс, слишком поздно заметивший, что что-то случилось, поспешил к группе, чтобы услужить одному из своих самых ценных клиентов. Заметив его, маркиз произнес:

– А, Симмс! Налейте-ка джентльменам по кружке эля, чтобы загладить это маленькое недоразумение!

Хозяин тут же понял намек:

– Да, милорд! Разумеется. Не соблаговолите ли, джентльмены, последовать за мной? У меня имеется бочонок отменного эля. Уверен, он придется вам по вкусу.

Посулив угощение, Симмсу без труда удалось увести всю компанию в пивную.

Тут к Хейзелмеру подошел его приятель Энтони, лорд Фэншоу. На его лице застыло удивленное выражение. Только что они шли от конюшни по двору, направляясь на ужин, как вдруг Марк остановился, а в следующую секунду, вполголоса выругавшись, бросился к сбившейся в кучу группе гуляк. Энтони был почти таким же высоким, но все же ему не удалось рассмотреть, что привлекло внимание его друга. Подойдя ближе и увидев, что Марк ведет себя нарочито небрежно, Энтони догадался, что тот защищает какую-то женщину, успешно закрывая ее собой от присутствующих.

Хейзелмер повернулся к нему:

– Убедись, что все они зашли внутрь, Тони. Я присоединюсь к тебе в общей гостиной через несколько минут.

Хейзелмер уже отбросил наигранную небрежность и говорил своим нормальным голосом. Кивнув, Фэншоу развернулся и, не говоря ни слова, зашагал к зданию постоялого двора. Одного взгляда на своего друга детства ему было достаточно, чтобы понять, что тот пребывает в ярости.

Повернувшись к Доротее, Хейзелмер взял ее под руку. Пока мужчины не скрылись в пивной, он стоял так, чтобы заслонять ее своей высокой фигурой, закутанной в широкий дорожный плащ, многочисленными складками ниспадающий с его широких плеч. Испытывая настоятельную потребность

сбежать, Доротея хотела было вернуться на каретный двор, но Хейзелмер задержал ее, не отпустив ее руки. Так как источник света находился у него за спиной, выражение его лица оставалось для нее совершенно непроницаемым.

– Мне нужно сказать вам пару слов, после чего я лично провожу вас внутрь.

Даже Доротее, ничего не знающей о манере поведения маркиза, эти слова показались зловещими. Она ругала себя за то, что угодила в подобную историю, выпутаться из которой ей помог не кто иной, как маркиз Хейзелмер! Да еще таким способом!

Он отвернулся, чтобы перекинуться парой слов с другим подошедшим к нему высоким мужчиной, после чего повел ее обратно на каретный двор. Она испытывала огромное облегчение, хотя ноги практически отказывались ей повиноваться.

Оказавшись на внутреннем дворе в относительном уединении, Хейзелмер остановился и развернул Доротею лицом к себе. В льющемся из здания свете она рассмотрела наконец выражение его лица: его ореховые глаза смотрели непреклонно, а губы были сжаты в тонкую линию. Тут и глупец догадался бы, что маркиз взбешен, и причиной его гнева является сама Доротея.

– Могу я поинтересоваться, что это вы тут делали?

Доротея ничуть не испугалась. Его слова показались ей очень обидными, поэтому, запрокинув голову и глядя на него снизу вверх, она резко ответила:

– Искала своего кучера, если хотите знать, чтобы сообщить ему о намерении выехать как можно раньше завтра утром и избежать того самого ненужного внимания, которое мне не посчастливилось привлечь к себе сейчас! – К концу этой маленькой речи Доротея слегка запыхалась, но продолжала гневно взирать на ненавистного маркиза.

Тот прищурился и, помолчав немного, произнес менее грозным тоном:

– Неужели Симмс не наказал вам сидеть у себя в комнате с запертой дверью, а? Какое упущение с его стороны!

Доротея сглотнула, прежде чем ответить, но глаз не отвела.

– Да, он мне говорил.

Теперь выражение лица маркиза чрезвычайно напоминало каменную маску.

– Тогда мне остается только дивиться вашему легкомыслию. Неужели вам совершенно нет дела до собственной репутации? Я же уже предупреждал вас, что ваши дикарские замашки совершенно неподходящи для светского общества. – Он крепко схватил обе ее руки повыше локтя. Доротея испуганно подумала, что он намерен как следует ее встряхнуть. Несколько тягостных мгновений спустя маркиз заговорил снова, тщательно сдерживая гнев: – Еще раз повторяю то, что говорил раньше: ни при каких обстоятельствах никогда не появляйтесь на улице без сопровождения! Если я еще раз застану вас слоняющейся где-нибудь в одиночку, то собственноручно задам вам хорошую трепку, после которой вы очень долго не сможете сидеть!

Доротея задохнулась от возмущения, сверкая зелеными глазами, а Хейзелмер продолжал:

– Да-да, я вполне на это способен!

Глядя в его непроницаемое лицо с почерневшими глазами, девушка догадалась, что его слова – не пустые угрозы. Но она и сама уже порядком разозлилась. По какому праву этот надменный тип приказывает ей и угрожает расправой? Какой же он заносчивый, высокомерный и совершенно невыносимый! Обычно невозмутимая, Доротея хотела было направить весь переполняющий ее гнев на его источник, но Хейзелмер не дал ей возможности это сделать. Осознав, что все еще удерживает ее за руки, стоя посреди каретного двора, пусть и почти опустевшего, он резко развернул ее в сторону дома и, крепко придерживая под локоток, повел внутрь.

– В какой комнате Симмс вас поместил?

Не в силах вымолвить ни слова, Доротея просто указала на дверь, к которой вела маленькая лестница.

– Очень мудро. Сегодня ночью это, вероятно, самая безопасная спальня во всем постоялом дворе. Поспать в тишине вам едва ли удастся, но, если повезет, обойдется без непрошеных гостей.

Взглянув в побелевшее лицо Доротеи со сверкающими от ярости глазами, Хейзелмер подтолкнул ее к лестнице. На второй ступеньке она обернулась, намереваясь высказать ему все, что о нем думает. Хейзелмер, стоящий на ступеньку ниже, тут же разгадал ее намерение и, проскользнув мимо нее, снова схватил ее за руку и силой заставил подниматься дальше.

Внезапно в коридоре появился хозяин постоялого двора, направляющийся в заднюю часть дома.

– Симмс!

– Да, милорд?

– Принесите-ка стаканчик вашего лучшего бренди, да поживее.

– Слушаю, милорд.

Доротея сочла такую просьбу чрезвычайно странной, но, решив, что это всего лишь очередная причуда его светлости, тут же о ней позабыла. В настоящий момент ею владело лишь желание от души отчитать его. Повернувшись к маркизу и запрокинув голову, чтобы смотреть ему прямо в глаза, она вдруг ощутила неловкость от их излишне тесного соседства на узкой лестнице.

– Лорд Хейзелмер! Спешу заметить, что ваша манера обращения со мной кажется мне совершенно возмутительной! Я не согласна с вашей критикой в мой адрес и вообще не понимаю, по какому праву вы так со мной разговариваете. Сегодня случился неприятный инцидент, не более того. Я вполне способна сама о себе позаботиться…

– Неужели вы в самом деле предпочли бы, чтобы я оставил вас в лапах Тремлоу и его приятелей? Уверяю вас, вы не нашли бы их общество приятным, – перебил ее тираду Хейзелмер, решивший, что не позволит ей устроить истерику.

Его холодные слова, произнесенные скучающим тоном, оказали на Доротею отрезвляющее воздействие, и она замолчала на полуслове.

Хейзелмеру снова удалось прочесть ее мысли, как будто они были написаны у нее на лице. Она наконец-то осознала, что только благодаря ему ей удалось избежать страшной беды, и побледнела еще сильнее. Тут появился Симмс. Не сводя глаз с Доротеи, Хейзелмер, взяв у хозяина стакан бренди, коротким кивком приказал тому удалиться.

– Мне бы хотелось переговорить с вами через несколько минут, Симмс. – Повернувшись к Доротее, он протянул ей стакан. – Выпейте это.

– Нет. Я не пью бренди.

– Все когда-то случается в первый раз.

Доротея лишь продолжала смотреть на него непокорным взглядом, и он со вздохом принялся объяснять:

– Осознаете вы это или нет, у вас налицо все признаки шокового состояния. Вы белы, точно простыня, а глаза похожи на два крупных изумруда. Скоро начнете дрожать, почувствуете озноб и слабость. Бренди поможет, так что будьте хорошей девочкой, выпейте. Знайте, что, если вы не сделаете этого сами, я вполне способен вас заставить.

Сверкающие глаза Доротеи расширились еще сильнее. Тон голоса Хейзелмера по-прежнему оставался спокойным, и она не чувствовала исходящей от него прямой угрозы, как раньше. Глядя маркизу в глаза, Доротея поняла, что силы неравны, и сдалась. Взяв стакан слегка подрагивающей рукой, она поднесла его к губам и сделала глоток. Хейзелмер терпеливо ждал, когда она выпьет бренди до конца, после чего забрал у нее пустой стакан и спрятал его в карман своего плаща.

Когда Доротея снова подняла на него глаза, он вспомнил о ее незавершенном деле.

– Как я понимаю, вы направляетесь в Лондон?

Она кивнула. Черты его лица смягчились, высокомерие исчезло, сменившись маской вежливого очарования, которую, как подозревала Доротея, он всегда носил в свете. Хейзелмер как будто отдалился от нее.

– Как зовут вашего кучера?

– Лэнг. Я хотела выехать в восемь часов утра.

– Очень разумно с вашей стороны. Я прослежу за тем, чтобы ему передали ваше распоряжение. А теперь отправляйтесь-ка в свою спальню да заприте дверь и не открывайте никому, кроме Симмса и членов его семьи. – Хейзелмер говорил спокойным тоном, лишенным каких бы то ни было эмоций.

– Да, я так и сделаю.

Доротея была полностью сбита с толку. У нее кружилась голова, причиной чему стали шок, гнев, бренди и маркиз Хейзелмер собственной персоной. Прижав пальцы к вискам, она попыталась сосредоточиться на том, что он ей говорит.

– Хорошо! Попытайтесь уснуть. И вот еще что – передайте леди Мерион, что я загляну к ней послезавтра с визитом.

Кивнув, Доротея шагнула было к двери, но тут же обернулась. Она все еще сердилась на Хейзелмера, но гордость не позволяла ей уйти, не сказав ему слов признательности за собственное спасение, как бы сильно ей ни хотелось этого не делать. Сделав глубокий вдох и высоко подняв голову, девушка произнесла:

– Милорд, я должна поблагодарить вас за мое спасение из рук тех джентльменов.

Посмотрев маркизу в глаза, она увидела на его лице совершенно очаровательную улыбку.

Понимая, чего ей стоило сказать эти слова, Хейзелмер весело ответил:

– Верно, должны. Но не берите в голову. Когда вы окажетесь в Лондоне, вам представится множество возможностей заставить меня раскаяться в моем

вопиюще властном поведении. – Произнеся эту странную тираду, он вскинул одну черную бровь, пронзая Доротею взглядом ореховых глаз. Вспыхнувший в ее взоре гневный зеленый огонь развеселил его. Заслышав доносящиеся снизу голоса, маркиз нежно провел пальцем по ее щеке и многозначительно добавил: – Доброй ночи, мисс Дэрент.

Не сказав ему в ответ ни слова, она развернулась и забарабанила в дверь.

– Бетси, это я, Доротея.

С улыбкой, приведшей бы Доротею в совершеннейшее смущение, если бы она ее увидела, Хейзелмер отступил в тень. Дверь открылась с поспешностью, красноречивее всяких слов передающей страхи находящихся внутри людей.

– О небо, мисс! Входите живее! Вы белы как полотно, это уж точно!

Чьи-то руки втянули Доротею внутрь, и дверь закрылась.

Лишь услышав звук задвигаемого засова, Хейзелмер задумчиво зашагал вниз. У двери черного хода он столкнулся с Симмсом:

– Симмс, есть проблемка.

– Милорд?

– Я хочу быть полностью уверен, что этих леди нынче ночью никто не потревожит. У вас, случайно, нет неподалеку дородного кузена, который мог бы постоять на страже у этой двери?

Заметив золотой соверен, блеснувший в длинных пальцах его светлости, хозяин ухмыльнулся:

– Так уж случилось, милорд, что у моего старшего сынка ужасно разболелись зубы. Весь день по кухне слоняется. Я уверен, что он отлично справится с вашим заданием.

– Превосходно. – Монета перешла из рук в руки. – И вот еще что, Симмс.

– Да, милорд?

– Проследите, чтобы этих леди обслуживали как можно лучше.

– Разумеется, милорд. Моя жена как раз собирается отнести им ужин.

Кивнув, Хейзелмер отправился на каретный двор. Запрокинув голову, он залюбовался звездами, сверкающими в безоблачном небе, и остановился в задумчивости. Его грум Джим Хитчин стоял чуть поодаль, терпеливо дожидаясь, когда хозяин заметит его присутствие. Он служил при его светлости с тех пор, как тот был совсем юношей, и успел за это время отлично изучить все особенности его характера. Наконец, Хейзелмер потянулся и повернулся к нему:

– Джим?

– Да, милорд?

– Отыщи человека по имени Лэнг, кучера сестер Дэрент, и передай ему, что мисс Дэрент хочет выехать завтра в восемь утра, дабы избежать толчеи. Сама она, по понятным причинам, послание передать не может.

– Хорошо, милорд.

– И вот еще что, Джим.

– Слушаю, милорд?

– Если вдруг завтра у сестер Дэрент возникнут какие-либо трудности, немедленно пошлите за мной. Это понятно?

– Да, милорд.

– Превосходно. Доброй ночи, Джим.

Грум удалился. Перспектива увидеть мисс Дэрент скрасила для него необходимость рано вставать. Он наблюдал издали за происшествием на

каретном дворе и счел, что его светлость повел себя совершенно нетипично. В присутствии молодых леди он никогда не выходил из себя. Джиму не терпелось взглянуть на даму, которой удалось вывести его хозяина из равновесия.

Хейзелмер, не подозревающий о размышлениях своего грума, вошел в здание постоялого двора через главный вход и остановился у открытой двери в пивную. Его приветствовал доносящийся оттуда шум. В синеватой дымке табачного дыма он рассмотрел у барной стойки компанию молодых повес, от которых он спас Доротею. Чуть больше времени потребовалось Хейзелмеру, чтобы высмотреть главного зачинщика – тот сидел за столиком в углу, увлеченно беседуя с сэром Барнаби Раскомбом. Еще раз окинув взглядом всю картину, Хейзелмер прошел в частную гостиную, которой пользовался всегда, когда останавливался в «Трех перьях». Там он обнаружил Фэншоу, который, закинув ноги на стол, сосредоточенно чистил яблоко.

Посмотрев на него, Фэншоу усмехнулся:

– Ага! Вот и ты наконец. А я-то уж совсем собрался бежать тебе на выручку.

В ответ на остроту приятеля маркиз лишь сдержанно улыбнулся:

– Мне нужно было еще кое о чем позаботиться после того, как проводил мисс Дэрент в ее комнату.

Он снял свой дорожный плащ и, прежде чем бросить его на стул, вынул из кармана стакан. Подойдя к стоящему у стены столику, налил себе вина.

– Черт побери, и кто же такая эта таинственная мисс Дэрент?

Маркиз вскинул черные брови.

– Никакой тайны здесь нет. Она живет на Мызе, расположенной рядом с Мортон-Парком. А сейчас вместе со своей сестрой направляется в Лондон к бабушке, леди Мерион.

– Ясно. Как же случилось, позволь узнать, что я даже ни разу не слышал об этой девушке, не говоря уже о том, чтобы увидеть?

– Очень просто. Она всю свою жизнь провела в деревне и не вращалась в том обществе, в котором вращались мы.

Фэншоу закончил чистить яблоко. Заметив вошедшего в гостиную Симмса с подносами еды, он убрал ноги со стола.

Расставив тарелки и убедившись, что все в порядке, Симмс обратился к Хейзелмеру:

– Я обо всем позаботился, милорд, как вы и просили.

Хейзелмер кивнул в знак благодарности, и хозяин удалился. Фэншоу, занятый накладыванием еды на тарелку, на мгновение поднял глаза на своего приятеля, но ничего не сказал.

Друзья поужинали в необременительном молчании. Они родились в соседних поместьях с разницей всего в один месяц, вместе росли, вместе учились сначала в Итоне, а потом в Оксфорде. За последние десять лет, что они вращались в светских кругах, их дружба стала почти легендарной. За все это время между ними редко случались недомолвки и секреты, но на этот раз по неизвестным ему самому причинам Хейзелмер предпочел не говорить своему лучшему другу о знакомстве с Доротеей Дэрент.

После ужина им подали лучший кларет, что имелся в погребе Симмса. Наконец, откинувшись на стуле, так что медного цвета кудри живописно упали ему на лоб, Фэншоу снова вернулся к интересующей его теме:

– Все это кажется мне довольно подозрительным.

Уже смирившийся с необходимостью давать объяснения, Хейзелмер тем не менее попытался отделаться невинным замечанием:

– Что именно кажется тебе подозрительным?

– Ты и мисс Дэрент.

– Отчего же? – Маркиз широко распахнул ореховые глаза, изображая непонимание, но на его губах появилась усмешка.

Фэншоу нахмурился, но все же позволил втянуть себя в игру.

– Ну, во-первых, раз она не появляется в свете, ответь-ка мне, где тебе удалось с ней познакомиться?

– Мы встречались только один раз в неформальной обстановке.

– Когда?

– В августе прошлого года, когда я гостил в Мортон-Парке.

Карие глаза Фэншоу прищурились.

– Я сам навещал тебя в Мортон-Парке в то время, и ты заявил, что подобная добыча встречается крайне редко.

– Ах да, – задумчиво протянул Хейзелмер, лаская длинными пальцами ножку бокала. – Припоминаю, что действительно говорил тебе что-то подобное.

– Полагаю, что о мисс Дэрент ты тогда удачно позабыл.

Маркиз провокационно усмехнулся:

– Как скажешь, Тони.

– Нет, черт подери! Тебе не удастся так легко отделаться. Раз я тебе не верю, не поверят и остальные. Не забывай, что Раскомб находится где-то поблизости. Так что придется тебе придумать объяснение получше. Ты же не хочешь, – саркастически добавил он, – чтобы о тебе сплетничал весь Лондон?

Хейзелмер вскинул брови, глубоко вздохнув.

– К сожалению, ты прав, – сказал он, продолжая с преувеличенным вниманием рассматривать свой бокал.

Фэншоу, знающий его гораздо лучше других, терпеливо ждал.

С присутствием сэра Барнаби Раскомба на своих приемах светские дамы мирились лишь потому, что тот являлся источником самых смачных сплетен. Не приходилось сомневаться, что он не упустит шанса поведать свету о том, как Хейзелмер спас леди от возбужденной толпы молодчиков на каретном дворе. Возможно, сама по себе эта история и не представляет особого интереса, но она поставит общество в известность о том, что маркиз прежде встречался с мисс Дэрент. А это обстоятельство, как точно подметил Фэншоу, может привести к определенного рода трудностям.

Помолчав несколько минут, Хейзелмер наконец поднял глаза.

– Боюсь, это станет признанием распутника, – полушутливым тоном произнес он и, заметив промелькнувшее в карих глазах приятеля удивление, добавил: – Правду на этот раз точно придется утаить. Если клеветники узнают, при каких обстоятельствах я познакомился с мисс Дэрент, они будут злословить об этом несколько недель.

Слова Хейзелмера поразили Тони Фэншоу. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Ему было отлично известно, что, невзирая на многочисленные affaires с дамами полусвета, Хейзелмер всегда вел себя предельно почтительно с леди своего круга. Тут его осенило.

– Правильно ли я понял, что во время вашего знакомства в деревне девушка была без компаньонки?

Хейзелмер заулыбался еще шире. Бросив взгляд на приятеля, он снова сосредоточил внимание на своем бокале.

– Разумеется, я хотел бы все отрицать, но ты прав – мы действительно были наедине. Если подробности нашего знакомства когда-нибудь станут известны, мисс Дэрент будет безнадежно скомпрометирована, а мне, как честному человеку, придется на ней жениться.

Подобное заявление можно было истолковать превратно.

– Великий боже! – воскликнул Фэншоу, сгорая от любопытства. – Что же ты сделал?

Представив, какие дикие фантазии возникают сейчас в голове его приятеля, Хейзелмер поспешил вернуть его с небес на землю.

– Советую держать в узде свое необузданное воображение! Я поцеловал ее, раз уж тебе так нужно это знать.

– Вот как? – ахнул Фэншоу, явно заинтригованный.

Чувствуя себя школьником, пересказывающим менее развитому приятелю подробности своего первого любовного опыта с продажной женщиной, Хейзелмер окинул Фэншоу взглядом, в котором смешались веселье и раздражение. Верно поняв отразившееся в карих глазах друга благоговейное выражение, он кивнул:

– Да, и это был вовсе не поцелуй в щечку.

Целую минуту Фэншоу в молчании смотрел на маркиза, прежде чем произнести дрожащим от недоверия голосом:

– Ты хочешь сказать, что поцеловал ее, как одну из своих любовниц?

Хейзелмер согласно повел бровями.

– Не может быть! Черт подери! Ты не можешь целовать леди, как девок из борделя!

– Согласен. Но в случае с мисс Дэрент я именно так и поступил.

Фэншоу удивленно заморгал. Ему отчаянно хотелось узнать о причинах подобного поступка, но он не смог заставить себя задать этот вопрос вслух. Вместо этого он поинтересовался:

– И сколько времени ей потребовалось, чтобы прийти в себя после обморока?

– Она вообще не лишилась чувств, – ответил Хейзелмер, в глазах которого плясали веселые искорки. – Вместо этого она попыталась залепить мне пощечину.

Подобный поступок впечатлил Фэншоу.

– Я должен лично познакомиться с этой мисс Дэрент. Похоже, что она поистине выдающаяся молодая леди.

– Скоро ты встретишь ее в Лондоне. Не забывай, однако, кто познакомился с ней первым.

Тони Фэншоу счел этот ответ чрезвычайно красноречивым. Вздохнув, он сказал:

– Как это на тебя похоже – находить самых выдающихся девушек первым! И сестры у нее, конечно, нет?

– Вообще-то есть. Очень миловидная блондинка, которой только что исполнилось семнадцать лет.

– Значит, и для остальных смертных еще не все потеряно. – Оставив веселый тон, Энтони серьезно спросил: – И как ты собираешься объяснить в свете свое знакомство с мисс Дэрент?

– Она же внучка леди Мерион, не забыл? Как только мы вернемся в столицу, я нанесу визит в Мерион-Хаус и, фигурально выражаясь, брошусь к ногам ее светлости. – Маркиз глотнул вина. – Не так уж и сложно будет сочинить какую-нибудь правдоподобную историю.

– В случае, если эта дама пожелает закрыть глаза на то, как ты поступил с ее внучкой, – тут же напомнил Фэншоу.

– Думаю, – рассеянно отозвался Хейзелмер, – весь вопрос в том, пожелает ли сама мисс Дэрент закрыть глаза на мое поведение.

– Хочешь сказать, что она может попытаться использовать это против тебя?

Поняв, к чему клонит Фэншоу, маркиз рассмеялся:

– Нет. Хотя мисс Дэрент и сердится на меня, я сильно сомневаюсь, что она поведает бабушке всю историю целиком.

Обдумав эти слова, Фэншоу покачал головой:

– Мне сложно это представить. Ты же знаешь, какие они, эти молодые девушки. Воображают себе романтического героя. Да она наверняка пересказала эту историю по крайней мере трем своим задушевным приятельницам, еще не доехав до леди Мерион!

И снова на губах Хейзелмера появилась эта странная улыбка.

– Полагаю это маловероятным.

Тут Фэншоу пришла в голову страшная мысль.

– Эта девушка ведь не страшилище?

– Нет. Ее нельзя назвать красавицей, но, будучи должным образом одета, она покажется очень привлекательной.

– Хочешь сказать, что, когда ты ее встретил, она не была одета должным образом?

Хейзелмер мягко рассмеялся:

– Не совсем.

Фэншоу решил не продолжать эту тему, невзирая на гложущее его любопытство из-за сделанного приятелем скандального признания. Он никогда не видел Хейзелмера в таком настроении, да и в подобную неприятную ситуацию тот тоже раньше не попадал. Впервые в жизни Фэншоу был абсолютно уверен, что

Марк от него что-то скрывает.

Хейзелмер решил дать ему еще несколько ключей к разгадке.

– Девушке двадцать два года, она рассудительна и практична. После поцелуя она не упала в обморок и не стала устраивать сцен. Она закончила бы наш разговор очень быстро, если бы я не воспрепятствовал. И сегодня вечером, вместо того чтобы, бросившись мне на грудь, осыпать благодарностями за спасение из лап Тремлоу и его дружков, она спокойно послала меня ко всем чертям. Короче говоря, у мисс Дэрент иммунитет к зловещим чарам маркиза Хейзелмера.

– Понимаю, – сказал Фэншоу. В действительности он ничего не понимал.

К несчастью, больше поговорить на эту тему им не удалось, так как резкий стук в дверь объявил о прибытии группы их приятелей, припозднившихся в своем возвращении с кулачных боев. Заказали еще вина, и разговор пошел о спорте. Лишь много позже Тони Фэншоу вспомнил о том, что его друг детства Марк Генри что-то от него скрывает.

Глава 3

На следующее утро раньше назначенного времени и без каких-либо происшествий экипаж сестер Дэрент выехал из «Трех перьев» под зорким взглядом Джима Хитчина.

День был прохладным, но снег на дорогах, становившихся по мере приближения к столице все более удобными, растаял, поэтому экипаж двигался плавно и значительно быстрее, чем раньше. Доротея пребывала в подавленном настроении. Когда накануне вечером она вернулась в свою комнату, Бетси и Сесилия устроили ей допрос с пристрастием. Все еще испытывая головокружение, она решила отмалчиваться, так как по опыту знала, что это лучший способ пресечь нежелательные расспросы. Но ее уловка не сработала. Вопросы сыпались на нее до тех пор, пока она не потеряла терпение.

– Да перестаньте вы устраивать шумиху из ничего! Раз уж вам так нужно знать, скажу, что, возвращаясь с каретного двора, я столкнулась с одним ужасно нахальным джентльменом и очень раздосадована этим происшествием.

Сесилия, обиженная нежеланием сестры подробно рассказать о случившемся, отвлеклась лишь тогда, когда принесли ужин. В августе, поддавшись минутной слабости, Доротея поведала ей о своей неподобающей встрече в лесу с маркизом Хейзелмером. Вспомнив, сколько усилий ей пришлось приложить, чтобы утаить от выказывающей живейший интерес Сесилии подробности встречи, на этот раз она особенно тщательно следила за своим языком, чтобы ненароком не сболтнуть имя джентльмена, с которым столкнулась. Ни при каких обстоятельствах Доротея не готова была заново подвергнуть себя такому суровому испытанию, особенно сейчас, когда испытывала непонятную усталость.

У нее почти не было аппетита, но признаться в этом она не решалась, поэтому заставила себя съесть немного пирога с мясом. После выпитого по совету Хейзелмера бренди она даже не прикоснулась к вину. Когда с ужином было покончено, девушка тут же стала готовиться ко сну. К счастью, Сесилия последовала ее примеру, не говоря ни слова.

У Доротеи всегда был очень чуткий сон, и на этот раз она не смыкала глаз до самого рассвета до тех пор, пока доносящийся снизу шум наконец не утих. Зато в ее распоряжении оказалось предостаточно времени, чтобы обдумать вторую встречу с маркизом Хейзелмером. Окружающая его аура спокойной властности сильно раздражала Доротею, как и его заносчивые приказы, которым ей пришлось неукоснительно следовать. А вот осознание того, что, невзирая на это, ее влечет к нему, она постаралась запрятать в самый дальний уголок сознания. Менее всего ей хотелось испытывать tende[5 - Любовь, нежность (фр.).] к этому возмутительному человеку, который, скорее всего, всю ночь напролет развлекался с какой-нибудь продажной девкой! Эта мысль показалась Доротее особенно удручающей, и она, злясь на саму себя, попыталась хоть ненадолго забыться сном. Но даже во сне ее преследовал взгляд ореховых глаз.

Когда они выехали с постоялого двора, мерное покачивание экипажа быстро убаюкало ее, и она проснулась лишь во время остановки на обед в одной милой гостинице, расположенной на берегу Темзы. Доротее удалось избавиться от владеющей ею усталости только отчасти, а теперь еще и пришло время подумать, что она станет говорить бабушке. Как ей сообщить о предстоящем визите Хейзелмера? Снова оказавшись в экипаже, она забылась лихорадочным

сном, а неразрешенный вопрос тем временем продолжал беспрестанно крутиться у нее в голове. Проснулась она от стука колес по камням мостовой. Выглянув в окно, девушка поразилась царившей вокруг кутерьме столичной жизни. Шум и гам остались позади, когда они въехали в кварталы, где обитали богатые жители города. Обе сестры принялись наперебой расхваливать прекрасные туалеты прогуливающихся по улицам дам.

Несколько раз спросив дорогу, Лэнг наконец остановил экипаж перед стоящим на краю площади внушительным особняком. Не приходилось сомневаться в том, что они оказались в одном из самых модных районов Лондона. В центре площади имелся огороженный парк, в котором играли дети под присмотром своих нянь. Скупые лучи послеполуденного солнца золотили голые ветви вишневых деревьев. На стук Лэнга из дома вышел величественный дворецкий, который помог сестрам выбраться из экипажа.

Оставив плащи в прихожей, сестры в сопровождении горничной отправились наверх, в гостиную, где и предстали пред очи своей аристократичной бабушки. Леди Мерион поспешила обнять внучек, окружив их облаком газовой материи и ароматом своих духов. Ее голову венчал белокурый парик, а черты лица еще хранили следы былой красоты. Леди Мерион являлась обладательницей пронзительных голубых глаз, длинного прямого носа и губ, готовых в любую секунду растянуться в улыбке.

– Мои дорогие! Как же я рада, что вы благополучно добрались. Присаживайтесь же, сейчас мы будем пить чай. Мой повар, Анри, решил побаловать вас кое-чем вкусненьким, чтобы подбодрить после долгого путешествия.

Усадив внучек у ярко пылающего камина, леди Мерион отметила, что обе они выглядят далеко не лучшим образом.

– Сегодняшний вечер мы проведем в тихом семейном кругу, и сразу после ужина вы обе отправитесь спать. На завтрашнее утро у нас назначена встреча с Селестиной, самой популярной модисткой в городе. К тому времени вы уже достаточно отдохнете с дороги.

Когда чай был выпит, а вкуснейшие пирожные съедены, леди Мерион позвонила в колокольчик. На зов тут же явилась Уитчетт, высокая угловатая женщина с редкими седыми волосами, чей особый талант заключался в умении наряжать

свою пожилую хозяйку в соответствии с последними модными веяниями. Сейчас ей не терпелось увидеть сестер Дэрент и продемонстрировать на них свой талант. Окинув девушек быстрым взглядом, она убедилась, что дворецкий Меллоу ничуть не преувеличивал, говоря об их красоте. Если правильно подобрать наряд для младшенькой, она произведет в свете настоящую сенсацию. И в старшей мисс Дэрент тоже была некая изюминка, которую опытная Уитчетт тут же заметила. Она удостоила сестер скупой улыбкой.

– А, вот и ты, Уитчетт. Отведи, пожалуйста, мисс Дэрент и мисс Сесилию[6 - В то время было принято при разговоре сразу с несколькими сестрами выделять старшую посредством обращения к ней по фамилии, младшие же сестры назывались по имени.] в их комнаты. Вам, мои дорогие, не помешает отдохнуть перед ужином. Уитчетт тем временем распакует ваши вещи и будет помогать вам одеваться, пока мы не наймем подходящих горничных. А теперь идите, – приказала она, взмахивая белой рукой с унизанными кольцами пальцами.

Уитчетт проводила девушек в две приготовленные для них милые комнаты, явно недавно перекрашенные. Спальня Доротеи была выполнена в мягких зеленых тонах, а Сесилии – нежно-голубых. Все вещи уже были распакованы, и Уитчетт помогла сестрам раздеться.

– Я вернусь, чтобы помочь вам одеться к ужину, мисс Дэрент.

Доротея с радостью легла на мягкую перину и тут же погрузилась в сон.

Леди Мерион велела своему повару приготовить на ужин что-нибудь простое и легкое, и им были поданы всего три блюда. К счастью, и у Доротеи, и у Сесилии уже появился аппетит, и они смогли по достоинству оценить столичные кулинарные изыски.

Леди Мерион, обрадованная, что ее внучки оправились от переезда, единолично завладела разговором.

– Самая важная и первоочередная задача – обеспечить вас достойными туалетами. По этому вопросу мы обратимся к Селестине, которая по праву считается самой лучшей модисткой на Брутон-стрит.

Леди Мерион нанесла визит Селестине сразу же, как только решила вывести своих внучек в свет, и ясно дала модистке понять, что от нее ожидается пошив первоклассных туалетов. Создать свое успешное дело Селестине помогло умение прозорливо подмечать способность той или иной заказчицы блистать в сшитых ею нарядах в обществе, а внучки леди Мерион, несомненно, будут посещать самые значимые приемы. Тщательно расспросив о внешности каждой из девушек, модистка благосклонно согласилась сделать все от нее зависящее, чтобы гарантировать им успешный дебют.

– Селестина обладает поистине выдающимися талантами. Потом мы позаботимся о ваших волосах, а еще я договорилась о частных уроках танцев. Вы ведь не умеете танцевать вальс, я полагаю? – Леди Мерион ненадолго замолчала, чтобы положить себе на тарелку вареного краба. – Когда вы будете полностью готовы, мы совершим первый выход в свет – поедем кататься в Гайд-парк. Отправимся мы туда часа в три пополудни, это час модного променада, когда в парке гуляет множество нужных людей. Я представлю вас нескольким важным светским особам, а если повезет, то удастся познакомиться и с кем-нибудь из девиц помоложе. Особенно я рассчитываю на встречу с леди Джерси. Ее прозвали леди Молчание, потому что она болтает без умолку, причем довольно странные вещи, но пусть это вас не смущает. Княгиня Эстерхази тоже там будет. Обе дамы являются покровительницами «Олмака», и вам понадобится от них поручительство, открывающее двери этого клуба. Если вас не допустят в «Олмак», можете сразу считать свой сезон оконченным и возвращаться домой.

– О боже! – воскликнула Доротея. – Я и понятия не имела, что это так важно.

– Еще как важно, – заверила бабушка, продолжая сообщать внучкам ценные сведения.

Будучи девушками благоразумными, Доротея и Сесилия с интересом слушали рассказ о нравах и обычаях света, пред критические очи которого им скоро предстояло явиться.

В девять часов вечера, заметив, что Сесилия с трудом подавляет зевок, ее светлость решила, что на сегодня достаточно.

– А теперь отправляйтесь-ка вы обе спать. Позови Уитчетт, Доротея. Она поможет вам переодеться. Ну, идите же. Для одного дня впечатлений вполне

достаточно.

Когда за сонными девушками закрылась дверь, леди Мерион поудобнее устроилась в уголке своего любимого элегантного дивана, предвкушая, какое удовольствие она получит от нынешнего сезона. Как это ни прискорбно, в последнее время традиционные выходы в свет перестали доставлять ей радость.

Леди Мерион свыше шестидесяти лет вращалась в самом эпицентре светской жизни в Лондоне и за это время прекрасно научилась разбираться в людях. Будучи наделенной не только изысканным вкусом, но и прозорливостью, она признавала, что при первой по прошествии многих лет встрече со своими деревенскими внучками в Дэрент-Холле была приятно удивлена. Пообщавшись с ними всего один вечер, она рассудила, что будет довольно занятно вывести их в свет. Леди Мерион не сомневалась, что очень к ним привяжется, но прежде всего действовала из собственных эгоистичных побуждений. Теперь, тщательно изучив их свеженькие личики и очаровательно самонадеянные манеры, она засомневалась в том, сумеет ли справиться со стоящей перед ней задачей.

Снова подумав о внучках, леди Мерион нахмурилась. Доротея как будто бы чем-то озабочена, подумала она. Оставалось только надеяться, что девушка не тоскует по какому-нибудь сельскому джентльмену, но даже если и так, светские развлечения скоро заставят ее позабыть о своем сонном деревенском прошлом.

Ее раздумья были прерваны стуком в дверь. В комнату заглянула Доротея, одетая в домашний халат нежно-розового цвета. Ее темно-каштановые волосы свободно струились по плечам. Заметив бабушку, она вошла.

При виде внучки светлые брови леди Мерион удивленно поползли вверх.

– Что такое, дитя? Что случилось?

– Бабушка, мне нужно вам кое-что рассказать.

«Ага! – возликовала про себя ее светлость. – Теперь-то я узнаю, что ее так беспокоит». Жестом она пригласила Доротею сесть подле себя.

Девушка, элегантно опустившись на сиденье и глядя на пламя в камине, принялась спокойно излагать свои ошеломляющие новости.

– Прежде всего, я должна сказать, что завтра к вам явится с визитом маркиз Хейзелмер.

– Великий боже! – вскричала леди Мерион, тут же распрямляя спину и пронзая внучку взглядом голубых глаз. – Где ты познакомилась с человеком вроде него? Вот уж не знала, что твоя мать водила знакомство с семьей Генри.

При одном упоминании имени Хейзелмера Гермиона почувствовала, как внутри зашевелилась тревога. Треклятый мальчишка! Вскружив голову уже не одной впечатлительной девице, он являлся настоящим кошмаром для многих преисполненных надежд матерей. Зная о его невосприимчивости к прелестям ни одной из красавиц, за исключением разве что некоторых дам полусвета, эти достойные матроны пытались втолковать своим дочерям, что, несмотря на всю свою аристократичность, лорд Хейзелмер – совершенно неподходящий для них кавалер. Слова Доротеи всколыхнули в голове леди Мерион множество подозрений, но все же она не могла представить, о чем маркиз желает с ней говорить. Сев так, чтобы смотреть прямо в лицо своей внучке, она произнесла:

– Рассказывай с самого начала, дитя, в противном случае я ничего не пойму.

Сознавая повышенный интерес бабушки к своей истории, Доротея пустилась в объяснения:

– Первый раз я встретила лорда Хейзелмера в августе прошлого года, когда собирала ягоды в лесу Мортон-Парка. Он тогда только унаследовал поместье от своей двоюродной бабушки леди Мортон.

– Да, об этом мне известно, – подтвердила ее светлость. – С Эттой Мортон я была довольно хорошо знакома. Признаться, именно она написала мне после смерти вашей матери, прося позаботиться о вас.

– Неужели? – удивилась Доротея.

– М-м-м. Что случилось, когда ты встретила Хейзелмера? Полагаю, он, как обычно, вел себя безукоризненно-очаровательно?

Доротея представления не имела о свойственной маркизу манере поведения, поэтому просто решила придерживаться своей подкорректированной версии событий.

– Он представился, а потом, видя, что при мне нет компаньонки, настоял на том, чтобы проводить меня домой.

Прочтя в сдержанном тоне внучки много больше, чем той бы хотелось, леди Мерион приняла решение:

– Дорогая, не стесняйся признаться в том, что он беззастенчиво играл с тобой в любовь. Он постоянно так делает. Этот дьявол умеет нравиться и быть неодолимо обольстительным.

Доротея воззрилась на бабушку широко раскрытыми глазами. К счастью, она вовремя поняла, что та употребила слова «играть в любовь» в том смысле, каким они наделялись во времена ее молодости, – тогда это означало всего лишь непристойный флирт. Испугавшись восклицаний, что едва не сорвались с ее языка, Доротея заставила себя успокоиться.

– Очаровательный? Вообще-то я нашла его довольно заносчивым.

Ее светлость недоверчиво заморгала, услышав из уст внучки холодное суждение, больше подходящее какой-нибудь светской львице.

– А вчера вечером я снова столкнулась с лордом Хейзелмером на постоялом дворе, – поспешила продолжить Доротея.

Леди Мерион, по праву считающая себя невосприимчивой к происходящему вокруг, с удивлением отметила, что ее внучке, проведшей в доме всего несколько часов, уже удалось нанести серьезный удар ее привычной невозмутимости.

– Маркиз находился вчера на постоялом дворе? – тихим голосом переспросила пожилая дама.

– Да, наряду с большим количеством других джентльменов, потому что в соседней деревне проводились кулачные бои.

Леди Мерион прикрыла глаза, пытаясь угадать, какие ужасающие подробности поведает ей внучка. Тщательно отредактированную версию произошедшего в исполнении Доротеи она выслушала в полном молчании и была вынуждена признать, что совершенно сбита с толку. Спасая Доротею, Хейзелмер вел себя чрезвычайно достойно, но вот его последующие действия истолковать было гораздо труднее. Леди Мерион никак не могла взять в толк, что его столь разозлило. Ему вообще было несвойственно терять самообладание, тем более в присутствии девушки, которую он едва знает.

Спохватившись, что Доротея ожидает ее вердикта, леди Мерион решила на время позабыть о странном поведении маркиза.

– Что ж, дорогая, я не нашла в твоем рассказе ничего, вызывающего беспокойство. Верно, мне не хотелось бы, чтобы ты разгуливала по Лондону без компаньонки, хотя я и знаю, что на Мызе твоя жизнь была лишена многих формальностей. Меня чрезвычайно печалит происшествие на постоялом дворе, но ты ведь не подозревала, что такое возможно. К счастью, Хейзелмер вовремя явился тебе на помощь. – Задумавшись о чем-то, леди Мерион замолчала. – Ты не знаешь, зачем он хочет меня завтра видеть?

Доротея и сама над этим долго думала.

– Возможно, из-за тех других джентльменов на каретном дворе. Он с ними знаком, а они теперь узнали, что он встречался со мной раньше. Полагаю, лорд Хейзелмер хочет обсудить с вами подходящее объяснение всему этому.

Подумав немного, леди Мерион кивнула:

– Да, вполне логичное умозаключение.

Хейзелмер не мог не осознавать последствия публичного признания своего знакомства с Доротеей и конечно же желал свести возможный ущерб к минимуму. Как бы то ни было, он всегда поступает так, как должно, рассудила она.

Избавившись от терзающей тревоги о том, что она совершила в глазах общества страшный грех, Доротея заснула сном младенца. Сесилия тоже отлично отдохнула, и к утру обе забыли о тяготах долгого путешествия. По прибытии на Брутон-стрит они были встречены великой Селестиной лично. Одного проницательного взгляда модистке было достаточно, чтобы понять, что в мисс Дэрент она нашла модель под стать своему таланту. Поговорив с девушками несколько минут, Селестина пришла к выводу, что появление в свете сестер, обладающих непринужденными манерами и хорошим воспитанием, произведет подлинную сенсацию.

От нее требовалось лишь обеспечить девушек самыми модными нарядами. Тут леди Мерион отвела ее в сторону и заявила:

– Ситуация развивается очень быстро, мадам. Мисс Дэрент познакомилась с одним из неженатых пэров. Полного имени лорда Х. я, разумеется, назвать не могу, но смею заверить, что он человек чрезвычайно достойный. Судя по всему, ей удалось поколебать его привычное самообладание. Я питаю большие надежды на то, что до конца сезона она будет благополучно устроена.

Обладая огромным опытом в подобного рода светских играх, леди Мерион могла не сомневаться в реакции, которая последует в ответ на подобное заявление, и потому решила, что вмешательство Хейзелмера в жизнь Доротеи нужно, самое меньшее, обернуть себе во благо. Она не питала иллюзий касательно своей старшей внучки. Это в успехе Сесилии сомневаться не приходится, так как в свете сейчас все помешались на белокурых красавицах. Доротея тоже была хороша собой, но в компании младшей сестры ее очарование бесспорно останется незамеченным. Более того, будучи чересчур самостоятельной, она не сумела бы воззвать к рыцарским чувствам ни единого джентльмена. Блестящую партию Доротее точно не сделать, но вот хорошую – вполне по силам. Особенно если за дело возьмется Селестина.

Селестина, безукоризненно одетая темноволосая дама неопределенного возраста, ответила с легким французским акцентом:

– Мисс Сесилия столь юна и прекрасна, что ей подойдет стиль ? la jeune fille[7 - В духе юной девушки (фр.).]. А для мисс Дэрент я бы подобрала более замысловатый образ. Вы позволите, миледи? – Она вопросительно взглянула на леди Мерион.

– Мы всецело в ваших руках, мадам, – отозвалась ее светлость.

Селестина кивнула, намереваясь обеими руками ухватиться за такую возможность. Наряжая жеманных светских девушек, она не давала выхода своему таланту. Быть вознагражденной такой первоклассной заказчицей, как мисс Дэрент, стало для Селестины поистине даром небес. Царская осанка и умение держать себя, безукоризненные манеры, элегантная фигура, классические черты лица, необычный, но привлекательный цвет волос – да о такой клиентке первоклассной модистке можно только мечтать! Когда она закончит, Доротея Дэрент будет выделяться из любой толпы. К счастью, девушка наделена уверенностью в себе, чтобы с честью выдержать такое испытание. Черные глаза модистки сверкнули.

– Bon![8 - Хорошо (фр.).] У мисс Дэрент довольно необычный цвет волос и глаз. А что касается осанки… как бы это сказать? – она очень элегантная и сдержанная. Мы выберем смелые цвета и простые фасоны, чтобы как можно более выгодно подчеркнуть красоту этого божьего творения.

Два следующих часа промелькнули в облаке газовых и шелковых тканей, муслина и батиста, обсуждении сравнительных достоинств различных моделей, материалов, готовых изделий, в снятии мерок.

Распорядившись сшить ошеломляющее количество платьев, одно из которых надлежало доставить уже нынешним вечером, чтобы на следующий день их можно было надеть на первый променад в парке, леди Мерион с видом триумфатора повела своих внучек обратно к карете.

***

Вернувшись в спальни после легкого обеда, девушки обнаружили, что в их отсутствие Уитчетт тоже ходила за покупками. Выдвигая ящички комодов, они нашли там нижнее белье с кружевной оторочкой, чулки из тончайшего шелка, ленты всевозможных цветов, а также перчатки, ридикюли, шарфики, веера – иными словами, все, что могло им понадобиться. Уитчетт, заглянувшая к сестрам, чтобы узнать, не требуется ли ее помощь, застала их восторженно ахающими над находками.

Заметив ее в дверном проеме, Доротея улыбнулась:

– Благодарю вас, Уитчетт. Уверена, что сами мы вспомнили бы обо всех этих вещах, только когда пришло время отправляться на прогулку.

Уитчетт улыбнулась в ответ, что было для нее совсем несвойственно.

– Мисс, я уверена, что вам и без того есть о чем подумать. – В самом деле, было очень сложно не заразиться энтузиазмом этих юных особ! – Ну и ну, мисс Сесилия! А вы, как я вижу, ужасно помяли свое хорошенькое платье. Вам нужно научиться бережнее относиться к своим новым лондонским платьям. Бетси отпарит его, пока вы будете отдыхать. Она ожидает вас в вашей спальне, чтобы помочь раздеться.

– Но я не хочу отдыхать! – капризным тоном отозвалась Сесилия, чем тут же насторожила Доротею. Устав, ее младшая сестра становилась вялой, а со времени их утомительного путешествия миновал всего один день.

Глазами послав Уитчетт приказ не говорить ни слова, Доротея, рассматривая у окна кружевной воротник, спокойно сказала:

– Раз ты не хочешь, никто не станет тебя заставлять. Вечером нам обеим потребуется повышенное внимание, потому что бабушка станет обучать нас светским манерам. Раз ты уверена, что не заснешь к тому времени, то можешь не отдыхать. В такой чудесный день мне хотелось бы отправиться на прогулку в парк. Почему бы тебе не пойти со мной?

Уитчетт стояла чуть поодаль с отсутствующим видом.

На личике Сесилии появилось задумчивое выражение. Она не была уверена, что, не отдохнув как следует, сумеет с честью выдержать еще один вечерний урок светских манер, который устроит им бабушка.

– Что ж, возможно, Уитчетт права, и мне в самом деле нужно немного поспать. Когда я устаю, мне всегда ужасно трудно запоминать что-то. Хорошей прогулки! – Взмахнув рукой, Сесилия упорхнула в коридор.

Доротея осталась стоять у окна, наблюдая за распускающимися бутонами цветов вишни и за играющими на лужайке детьми.

– Уитчетт, я не вполне уверена, разрешено ли мне прогуляться в том парке?

– Да, мисс. Если, конечно, вы будете в сопровождении.

– И кого мне взять с собой, если мне хочется отправиться на прогулку прямо сейчас?

– Я пойду с вами, мисс, это будет пристойно. Подождите меня в прихожей, я возьму плащ и мигом к вам присоединюсь.

Уитчетт и в самом деле не заставила себя ждать, поэтому спустя пять минут Доротея уже прогуливалась под сенью вишневых деревьев, наслаждаясь ласкающими лицо солнечными лучами. Надежно защищенная от ветра своей ротондой[9 - Ротонда – верхняя женская теплая одежда в виде длинной накидки без рукавов, распространенная в XIX – начале XX в.], она медленно брела по дорожкам, огибающим клумбы с яркими нарциссами и ранними крокусами. Неожиданно к ее ногам подкатился детский мяч. Нагнувшись, она подняла его и огляделась по сторонам в поисках владельца. Светловолосый мальчуган лет шести неуверенно замер на лужайке с противоположной стороны клумбы с нарциссами. Улыбнувшись, Доротея направилась к нему, протягивая мяч.

– Скажи «благодарю вас», Питер, – донесся голос со стоящей под деревом скамейки.

Доротея увидела няню, укачивающую на руках ребенка. Женщина приветливо улыбнулась ей и кивнула.

Когда Доротея снова повернулась к мальчику, он отвесил ей поясной поклон и хриплым голосом произнес:

– Благодарю вас, мисс.

Поддавшись порыву, она предложила:

– Не хочешь немного поиграть со мной в мяч? Я пришла сюда погреться на солнышке, но почему бы не сделать это вместе?

Появившаяся на лице мальчугана широкая улыбка говорила красноречивее слов. Убедившись, что няня не возражает, он с удовольствием стал перебрасываться мячом со своей новой знакомой.

Именно за игрой в мяч и заметил Доротею маркиз Хейзелмер, шагающий в это время через Кэвендишсквер в Мерион-Хаус. В последнее время он часто о ней думал. Облокотившись о невысокую изгородь, которой был обнесен парк, маркиз стал наблюдать за тем, как Доротея учит мальчика бросать мяч. Она находилась на некотором расстоянии от Хейзелмера и к тому же стояла к нему спиной. Внезапно особенно сильным ударом, сопровождающимся взрывом смеха со стороны обоих игроков, Питеру удалось забросить мяч так далеко, что он прокатился по лужайке и угодил прямиком в цветочную клумбу. Доротея побежала за ним. Когда она наклонилась, чтобы поднять мяч, Хейзелмер, не в силах побороть искушения, произнес:

– Снова гуляете в одиночестве, мисс Дэрент?

Резко повернувшись, она заметила его. Возглас удивления замер у нее на губах. Доротея вдруг вспомнила об его угрозе как следует отшлепать ее, если снова застанет на улице без сопровождения. Радостный блеск в его глазах показывал, что и он думает о том же самом. Выпрямившись, Доротея с достоинством ответила:

– Отнюдь нет, лорд Хейзелмер! Я хорошо усвоила урок и не совершу ту же ошибку снова, уверяю вас.

Хейзелмер вскинул черную бровь. Он не привык к тому, чтобы молодые леди вступали с ним в спор. Тут рядом с Доротеей появилась Уитчетт.

– Я как раз собирался нанести визит леди Мерион, – сообщил маркиз. – Как мне кажется, мисс Дэрент, вам тоже не помешает при этом присутствовать.

– Ах да. Я совсем забыла.

Доротея нагнулась, чтобы обнять на прощание мальчика, и, не видя ее лица, Хейзелмер не смог определить, говорила ли она искренне или просто хотела принизить его притязания. Маркиз больше склонялся ко второму варианту. Что ж, то была очень забавная игра для двоих, но мало нашлось бы людей, способных переиграть такого искушенного человека, как он. Лорд Хейзелмер неспешно зашагал вдоль изгороди к воротам и остановился в непринужденной позе, ожидая, когда Доротея поравняется с ним.

Доротея дала себе зарок, что больше не позволит ненавистному маркизу взять над собой верх. Она ведь спокойная, хладнокровная взрослая женщина – даже Селестина похвалила ее манеру держаться! Доротея никак не могла взять в толк, отчего же в присутствии Хейзелмера она всегда теряет самообладание. Румянец, появляющийся на ее щеках в ответ на его поддразнивания, сильно ее смущал. Каждое второе замечание, слетающее с его губ, делалось исключительно для того, чтобы обескуражить ее и обернуть ситуацию себе на пользу. «Что ж, – решительно подумала она, идя к калитке под пристальным взглядом его ореховых глаз, – возможно, эта тактика и работает со столичными мисс, но я определенно не позволю ему все время брать над собой верх». Лучезарно улыбаясь, девушка подошла к Хейзелмеру.

Если у него и возникли подозрения касательно причины столь резкой смены ее настроения, он предпочел держать их при себе. Опытным взглядом маркиз отметил деревенскую ротонду Доротеи и ее растрепавшуюся от ветра прическу. Ему оставалось только гадать, как такую девушку можно считать привлекательной. Улицу они перешли в молчании и были с поклоном встречены возле Мерион-Хаус дворецким Меллоу.

– Леди Мерион ожидает вас, милорд.

Передав ротонду Уитчетт, Доротея посмотрела на свое отражение в зеркале. Расстроившись из-за плачевного состояния волос, она задумалась, стоит ли заставлять бабушку ждать, уделив несколько минут приведению в порядок своего внешнего вида. Подняв голову, девушка обнаружила, что смотрит в отражающиеся в зеркальной поверхности ореховые глаза маркиза. Тот понимающе улыбнулся:

– Да, на вашем месте я бы так и сделал. Я передам ее светлости, что вы присоединитесь к нам чуть позже.

Осознав, что не может беспрестанно ссориться с Хейзелмером, особенно когда он искренне пытается помочь, Доротея присела перед ним в кратком реверансе и поспешила вверх по лестнице. Уитчетт последовала за ней.

Задержавшись на мгновение, чтобы смахнуть с рукава пылинку, Хейзелмер кивнул Меллоу:

– Теперь можете доложить о моем прибытии.

Для этого разговора леди Мерион облачилась в платье, которое, как она знала, придавало ей особенно устрашающий вид. Богатый опыт подсказывал ей, что между ее внучкой и маркизом произошло нечто большее, чем ей сообщили. При этом она сомневалась, известна ли вся правда самой Доротее, но догадывалась, что Хейзелмер наверняка знает все подробности, поэтому леди Мерион намеревалась выспросить у него как можно больше, до того как пригласить в комнату внучку. Когда маркиз элегантно направился к ней и склонился над ее ручкой, пожилая дама наградила его взглядом василиска, которым на протяжении многих лет приводила в замешательство самых закоренелых распутников.

Хейзелмер в ответ лениво улыбнулся.

Тут леди Мерион осознала, что существует огромная разница между тем, чтобы требовать объяснения о залетевшем в гостиную крикетном мяче у десятилетнего мальчишки, и тем, чтобы добиваться детального отчета о поведении у тридцатиоднолетнего пэра, который, мало того что является одним из признанных светских лидеров, еще вдобавок и один из наиболее опасных и красивых мужчин во всей стране! Заметив светящееся в ореховых глазах

веселье, пожилая дама с возмущением осознала, что этот нахал угадал ход ее мыслей!

Разочарованная, она жестом указала на стул и неохотно перешла к следующему важному пункту своей повестки дня. Ожидая, пока Хейзелмер займет свое место, леди Мерион любовалась тем, как сидит на его плечах безукоризненно сшитый утренний сюртук. Темно-желтые бриджи длиной до колен плотно охватывали его длинные мускулистые ноги, а ботфорты были начищены почти до зеркального блеска. Хотя леди Мерион и являлась дамой в годах, она еще не утратила способности обращать внимание на подобные вещи.

– Полагаю, мне стоит поблагодарить вас за спасение моей внучки Доротеи на постоялом дворе.

Хейзелмер небрежно взмахнул ухоженной рукой:

– Узнав вашу внучку, даже человек с такой нечистой совестью, как моя, поспешил бы ей на выручку. – Мягкий насмешливый тон и улыбка лишали сказанные им слова оскорбительного оттенка.

Умеющая искусно вести светскую беседу, леди Мерион заметно оттаяла.

– Очень хорошо. Но чего нам следует опасаться?

– К несчастью, в толпе, в которой я заметил мисс Дэрент, присутствовал по крайней мере один человек, который не захочет забыть о случившемся.

– Доротея упоминала Тремлоу.

– О да, Тремлоу был там, а также и Бавервуд, и лорд Майклз с лордом Дауни. Все они сравнительно безобидны и, если не ошибаюсь, вообще не вспомнят о случившемся, если только не потрудятся изо всех сил напрячь память. Но возможно, даже и тогда не вспомнят. Кто вызывает мои опасения, так это сэр Барнаби Раскомб.

– Что?! Этот ужасный тип! Он всегда распускает самые возмутительные сплетни! – Помолчав немного, пожилая дама с подозрением посмотрела на

маркиза. – Вы ведь не можете ничего с ним поделать, не так ли?

– Увы, нет. Будь на его месте кто-то другой, да, но только не Раскомб. Скандалы – это его хлеб. Однако, если нам удастся придумать правдоподобную историю о том, где и при каких обстоятельствах я мог бы познакомиться с мисс Дэрент, серьезного урона для ее репутации удастся избежать.

– Вы правы, разумеется, – согласилась леди Мерион. – Полагаю, будет разумно пригласить Доротею. Позвоните в колокольчик, сделайте милость.

– В этом нет нужды, – ответил Хейзелмер. – По дороге сюда я встретил ее в парке. Она пошла наверх привести в порядок прическу и вот-вот присоединится к нам.

Будто в ответ на его слова в гостиную вошла Доротея. Неспешно поднявшись со стула, Хейзелмер в ответ на ее реверанс взял ее руку и с поклоном поднес к губам.

Леди Мерион напряглась. Целовать ручку даме давно вышло из моды. Что здесь, ради всего святого, происходит?

Доротея приняла подобное приветствие, не поморщившись. Опустившись на стул напротив Хейзелмера, она вопросительно повернулась к ее светлости.

– Мы как раз обсуждаем, дорогая, какую бы сочинить историю, объясняющую твое знакомство с лордом Хейзелмером.

– Может быть, у мисс Дэрент имеются соображения на этот счет? – тут же предложил маркиз, устремляя на Доротею взгляд ореховых глаз.

– Да, имеются, – спокойно ответила та. – Как мне кажется, безопаснее всего придумать такой случай, подлинность которого никто не смог бы оспорить. – Изогнув брови, девушка невозмутимо встретила его взгляд.

Его выразительные губы дрогнули в усмешке.

– Очень мудро, – пробормотал он.

Доротея царственно кивнула:

– Как вам, например, такое объяснение: в один из ваших визитов к леди Мортон она чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы немножко покататься по окрестностям в вашей двуколке[10 - Двуколка – парный двухколесный экипаж.]. Уверена, что эта затея ей очень бы понравилась.

– Вы правы. Бабушка в самом очень сетовала на собственную неспособность совершить такую прогулку.

– Отлично! А мы станем рассказывать, что вы все же это сделали. И разумеется, грума своего не взяли, так ведь?

Хейзелмер, с готовностью включаясь в игру, быстро ответил:

– В тот день я разрешил Джиму побыть на кухне и побездельничать.

Доротея одобрительно кивнула.

– Итак, вы вели бричку по аллее и встретили мою маму, Синтию Дэрент, и меня, разумеется, возвращающихся из… – ах да! – из Уэверли-парка, конечно.

– А ваш кучер?

– Двуколкой правила я сама. Естественно, леди Мортон и моя мама решили остановиться и немного поболтать. Они же давние подруги как-никак. И леди Мортон представила вас маме и мне. Поговорив несколько минут, наши экипажи разъехались в разные стороны.

– А когда именно случилась эта встреча? – спросил маркиз.

– Что ж, это должно было произойти позапрошлым летом, когда и мама, и леди Мортон еще были живы.

– Мои поздравления, мисс Дэрент. Теперь у нас есть вполне приемлемая история знакомства, случившаяся в присутствии двух свидетельниц, которые уже не

могут ничего опровергнуть, потому что мертвы. Очень умно.

– Нет, подождите-ка минутку! – вмешалась леди Мерион. – Почему в таком случае твоя мать не рассказала другим своим друзьям об этой встрече? В округе еще долго говорили бы о таком нестандартном знакомстве.

– Но, бабушка, вам же отлично известно, какой рассеянной была мама. К тому времени, как мы приехали домой, она уже обо всем позабыла, особенно если по дороге отвлеклась еще на что-то.

Вспомнив об этой странности своей невестки, леди Мерион одобрительно заворчала:

– Ну а ты почему не поделилась такой новостью ни с одной из своих подруг?

Широко распахнув зеленые глаза и неотрывно глядя на бабушку, Доротея воскликнула:

– Зачем бы мне было это делать? У меня нет привычки обсуждать с другими незначительные происшествия.

Затаив дыхание, леди Мерион украдкой посмотрела на Хейзелмера. Ей было очень интересно, как он воспринял слова Доротеи, назвавшей свою встречу с ним «незначительным происшествием». Внешне маркиз по-прежнему оставался невозмутимо-вежливым, но его ореховые глаза, смотрящие на Доротею, опасно поблескивали. «Будь осторожна, моя девочка!» – мысленно предупредила внучку леди Мерион.

– Какая удивительно полезная черта, мисс Дэрент, – отозвался маркиз, решивший, очевидно, не поддаваться на провокацию. – Итак, теперь у нас имеется правдоподобная, а главное, не вызывающая возражений история нашего знакомства. Придерживаясь ее, мы без труда опровергнем слухи, которые неизбежно начнут распространяться после происшествия в «Трех перьях». – Поднявшись со стула, он грациозно склонился над ручкой леди Мерион. – Как я понимаю, вы намерены посещать все светские приемы в этом сезоне?

– О да, – ответила ее светлость, вспомнившая о хороших манерах. – Мы совершим первый выход, как только Селестина сошьет этим детям приличные платья.

Подойдя к Доротее, которая также встала со стула, чтобы попрощаться с ним, Хейзелмер снова поднес ее руку к губам и, пристально глядя на нее, произнес:

– Очень рассчитываю на продолжение нашего знакомства, мисс Дэрент. Смею надеяться, вы перестанете считать знакомство со мной незначительным происшествием, недостойным того, чтобы о нем помнили, – добавил он насмешливым тоном.

С тревогой глядя ему в глаза, Доротея ответила:

– Не думаю, что теперь мне удастся забыть вас, милорд.

Хейзелмеру удалось сохранить непроницаемое выражение лица, но его глаза сверкнули в ответ на очередной выпад в свой адрес. Он задержался на мгновение, чтобы еще раз насмешливо посмотреть в прекрасные зеленые глаза девушки. В нем зашевелился спортивный азарт. Он сам все это затеял, так что и жаловаться не на что. Все же маркиз не ожидал, что Доротее достанет мужества дать ему отпор, да еще с такой легкостью. Бросив на нее последний загадочный взгляд, Хейзелмер развернулся и, отвесив поклон взволнованной леди Мерион, пожелал обеим дамам хорошего дня и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, леди Мерион посмотрела на свою внучку с выражением недоверия и подозрения во взоре.

– Позвони и вели принести чай, дитя мое, – вот все, что она сказала.

Глава 4

Светский сезон начался для сестер Дэрент на следующий день. С утра явился парикмахер леди Мерион, бойкий француз, принявшийся болтать без умолку, стоило ему лишь увидеть Доротею и Сесилию. К всеобщему удивлению,

Селестина тоже изъявила желание присутствовать при этом, чтобы лично проследить за изменениями, совершаемыми над внешностью сестер Дэрент. Леди Мерион поразило такое необычное желание модистки. Еще больше удивилась пожилая дама, когда увидела перемены во внешности старшей внучки. Наряженная в первый из шедевров Селестины, доставленный в тот же день, с волосами, искусно уложенными в стиле Сапфо, Доротея превратилась из гадкого утенка в настоящего лебедя. Селестина шепотом сообщила леди Мерион, что Доротею нельзя назвать красавицей – этот эпитет следует приберечь для Сесилии, – но она привлекательна, великолепна, источает ауру чувственности. Новая Доротея наверняка произведет впечатление на более зрелых мужчин. Леди Мерион, имеющая на примете Хейзелмера, часто заморгала и стала поспешно пересматривать свои притязания.

Затем сестер познакомили с учителем танцев, который каждое утро в течение недели по часу будет обучать их правильно ставить ноги в традиционных танцах, а также познакомит с искусством вальса. Обе девушки были грациозны от природы и, посещая деревенские балы, многому научились, но вальсировать не умели.

Во второй половине дня они сели в ландо[11 - Ландо – четырехместная открытая коляска с откидным верхом, запрягаемая парой лошадей.] леди Мерион и поехали в Гайд-парк – других посмотреть и себя показать. Девушки как зачарованные наблюдали за аристократами, катающимися на свежем воздухе, приветствующими старых знакомых и заводящими новых. То и дело бросая взгляды на сидящих напротив красавиц внучек, леди Мерион испытывала небывалое воодушевление и прилив сил, чего не случалось с ней уже много лет.

Едва они закончили первый круг, как повстречались с другим ландо, стоящим на обочине дороги. Сидящая внутри высокая угловатая женщина, одетая по последней моде, энергично замахала леди Мерион, и та тут же приказала своему кучеру остановиться.

– Салли, какой приятный сюрприз! А Мария уже вернулась? – Не дожидаясь ответа, леди Мерион продолжила: – Позволь представить тебе моих внучек. Доротея, Сесилия, это леди Джерси.

Поприветствовав девушек, Салли Джерси воскликнула, пронзительно глядя на леди Мерион:

– Гермиона, эти дети станут настоящей сенсацией! Позволь мне немедленно направить для них приглашение в «Олмак»! Дорогая, меня терзало ужасное предчувствие, что сезон будет невыносимо скучным, но теперь, с появлением этих двух красавиц, я предвкушаю море фейерверков!

Сестры дружно покраснели.

Леди Мерион еще немного поболтала с леди Джерси, обменялась сведениями о том, кто уже приехал в столицу, а кто еще нет. Девушки за это время осознали, что являются объектом интереса как со стороны прогуливающихся солдат и молодых щеголей, так и со стороны дам, проезжающих мимо в экипажах со своими полными надежд юными дочерями. Леди Мерион велела внучкам не обращать ни на кого внимания. От монотонного бормотания бабушки Сесилию стало клонить в сон, и, чтобы взбодриться, она поспешила перевести взгляд на расположившуюся неподалеку на лужайке группу: несколько элегантных джентльменов беседовали с двумя молодыми леди. Доротея тоже отвлеклась, и лишь вопрос леди Джерси вернул ее с небес на землю.

– Я слышала, дорогая, что вы уже успели познакомиться с лордом Хейзелмером?

Понимая, что проявление даже малой толики неуверенности станет фатальным, Доротея, округлив свои выразительные глаза для усиления эффекта, с деланным безразличием произнесла:

– Да. И мне очень повезло снова встретиться с ним на днях. Он великодушно помог мне на постоялом дворе, где мы останавливались по дороге в Лондон.

– Так вы были знакомы и раньше? – тут же уточнила леди Джерси.

Изо всех сил стараясь не терять присутствия духа, Доротея слегка приподняла брови, как будто ответ на этот вопрос представлялся ей совершенно очевидным.

– Его двоюродная бабушка леди Мортон представила его моей матушке и мне некоторое время назад. Эта дама была нашей соседкой в Хэмпшире.

– Понимаю, – протянула леди Джерси, явно разочарованная столь прозаичным объяснением знакомства Доротеи с одним из самых скандальных светских

холостяков. Затем снова обратилась к леди Мерион.

По прошествии еще нескольких минут обмена светскими сплетнями кучеру было велено трогать. Когда леди Джерси скрылась из вида, леди Мерион вздохнула с облегчением, одобрительно глядя на свою старшую внучку:

– Превосходно, моя дорогая. Будем продолжать в том же духе.

Смысл ее слов стал ясен Доротее очень скоро. Происшествие на постоялом дворе получило широкую огласку и теперь кочевало в той или иной интерпретации из беседы в беседу, говорили ли они с вдовами и матронами или с дамами, имеющими незамужних дочерей.

После успешного разговора с леди Джерси, без сомнения являющейся самым устрашающим светским инквизитором, леди Мерион позволила Доротее отвечать на многочисленные вопросы, вмешиваясь лишь тогда, когда любопытство восторженных юных барышень грозило выйти за рамки приличий. Сесилия была еще слишком юна и потому не представляла для матрон никакого интереса и не участвовала в разговорах. Она была всецело поглощена созерцанием парка и гуляющих аристократов.

Примерно час спустя они остановились, чтобы побеседовать с княгиней Эстерхази. После процедуры знакомства княгиня, приятная, склонная к полноте дама, сонно улыбнулась девушкам:

– Я видела, что вы уже говорили с Салли. Она обещала прислать вам приглашения?

Леди Мерион кивнула:

– Она полагает, что мои девочки внесут свежую струю в привычный церемониал.

– О, несомненно, – согласилась княгиня Эстерхази.

В этот момент от группы молодых людей, восторженно взирающих на красавиц сестер, отделились два джентльмена и направились к ландо леди Мерион.

– Я ваш покорный слуга, леди Мерион, – сказал один из них, снимая шляпу и изящно отвешивая ее светлости поклон. Его приятель последовал его примеру.

Леди Мерион обернулась, чтобы посмотреть, кто к ней обратился.

– О, Ферди! – воскликнула она. – Ваша матушка уже вернулась в город?

Получив заверение в том, что миссис Ачесон-Смит прибудет в столицу к концу недели, леди Мерион представила джентльменам своих внучек.

Доротея и Сесилия посмотрели на двух молодых людей. Ни один из них не был ни высок, ни широкоплеч, но оба были безукоризненно одеты и могли бы стать идеальной партией для любой девушки, равной им по общественному положению. Мистер Ачесон-Смит, стройный и светловолосый, являлся обладателем голубых глаз, в которых светились честность и безыскусность. Второй молодой человек, мистер Дермонт, мог похвастаться схожим телосложением, но обладал меньшей уверенностью в себе, поэтому позволял вести разговор более осведомленному Ачесон-Смиту. Зная, что этому джентльмену можно доверять, леди Мерион вернулась к обмену сплетнями с княгиней Эстерхази.

Видя, что молодые люди целиком завладели вниманием девушек, княгиня решила воспользоваться возможностью удовлетворить свое любопытство.

– Расскажи же мне, Гермиона, что это за история со спасением Хейзелмером одной из твоих внучек от возбужденной толпы на каком-то постоялом дворе?

Леди Мерион уже выучила ответ назубок.

– Большая удача, что маркиз проходил мимо, дорогая. Доротея вышла на минутку, чтобы разыскать своего кучера, не подозревая, что джентльмены уже прибыли.

– А я и не знала, что твои внучки знакомы с Хейзелмером.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Олмак» – социальный клуб в Лондоне для аристократов, существовавший в период с 1765 по 1871 г., куда допускались как мужчины, так и женщины.

2

Таволга – род многолетних трав семейства розовых. Обладает лечебными свойствами.

3

Любовная связь (фр.).

4

Про себя, приглушенно (ит.).

5

Любовь, нежность (фр.).

6

В то время было принято при разговоре сразу с несколькими сестрами выделять старшую посредством обращения к ней по фамилии, младшие же сестры назывались по имени.

7

В духе юной девушки (фр.).

8

Хорошо (фр.).

9

Ротонда – верхняя женская теплая одежда в виде длинной накидки без рукавов, распространенная в XIX – начале XX в.

10

Двуколка – парный двухколесный экипаж.

11

Ландо – четырехместная открытая коляска с откидным верхом, запрягаемая парой лошадей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lourens_stefani/slozhnye-otnosheniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить